

Тальцы-1(28)-2006

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

• АРХИТЕКТУРА • ЭТНОГРАФИЯ • ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ • • ТОПОНИМИКА • ФИЛОЛОГИЯ •

Издается с 1996 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	
3.Е. Залесская. Открытие иконы	3
М.Н. Софронова, В.А. Быкова, Г.Д. Замолотских. Иконы	
Смоленской и Казанской Богоматери из Тобольска	0
и их взаимосвязь	ბ
митрополита Тобольского и всея Сибири	17
Т.С. Шорохова. Столичный храм сибиряков	
Б.А. Соловьёва. И.М. Сибиряков — родной Сибири	30
Н.Ю. Шевченко. «Возлюбившие благолепие дому Твоего».	
Роль купцов Сибиряковых в храмоздательстве Иркутской епархии	20
И.А. Погодаева. Проповедническая деятельность	30
иркутского духовенства во второй половине XIX века	48
Т.А. Крючкова. Братство во имя святителя Иннокентия	
М.В. Дыбенко. Экспонат с изображением Иннокентия	
Иркутского	.66
ВОСПОМИНАНИЯ	
Н.Ф. Соснина. Пасха в Иркутске	71
У НАС В ГОСТЯХ	
В.И. Боцвин. Как возник и чем живет Благотворительный	
фонд имени Иннокентия Сибирякова	75
МУЗЕЙНЫЕ ЭСПОЗИЦИИ	
М.Л. Никифорова. Дом сельского псаломщика	
в музее «Тальцы»	84
КОНГРЕССЫ	91
НОВЫЕ КНИГИ	92
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЧКИ	
С.А. Нилус. Оптина	93
НА ДОСУГЕ	
MODISTRO OFFICIONAL OTOPIOS	06

Учредитель и издатель: Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»

ЛР 040958 от 01.04.99. АЭМ «Тальцы»

Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Грязнова, 22. Тел. (8-3952) 54-61-77

Редакционная коллегия: канд. ист. наук Т.А. Крючкова, канд. ист. наук Ю.П. Лыхин (отв. секретарь), А.К. Нефедьева, канд. культурологии В.В. Тихонов (гл. редактор)

Редакторы-составители номера: Ю.П. Лыхин, Т.А. Крючкова

Редактор: Г.Д. Лопатовская

Компьютерный набор: Н.М. Вахтина **Оригинал-макет:** С.Г. Червякова **Дизайн обложки:** А.А. Мартынова

Подготовка к печати: ООО «Репроцентр A1»

Свидетельство о регистрации № И-0236 от 21 декабря 1995 г., выдано Региональной инспекцией по защите свободы печати и массовой информации.

Адрес редакции: Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Грязнова, 22. Тел. (8–3952) 54-61-80, факс (8–3952) 54-61-77, e-mail: talci@irk.ru

На обложке:

- С. 1— Иркутская Казанская церковь. Фото И. Бержинского, 2003 г.
- С. 2 И. Козлов. Портрет Иоанна Максимовича, митрополита Тобольского и Сибирского. 1849 г.
- С. 3— Усадьба псаломщика в музее «Тальцы». Фото И. Бержинского, 2006 г.
- Интерьер дома псаломщика в музее «Тальцы». Фото И. Бержинского, 1995 г.
- С. 4— Нагрудный знак Братства во имя святителя Иннокентия. Фото В. Белова, 2005 г.

Подписано в печать 30.03.06. Формат 60 х 90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,0. Уч.-изд. л. 5,33. Тираж 1000 экз. Заказ № 5732. Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Репроцентр А1», г. Иркутск, ул. Лапина, 1, оф. 101, тел. 203-144, 255-970, 999-003.

TAMESI PARE

ОТКРЫТИЕ ИКОНЫ

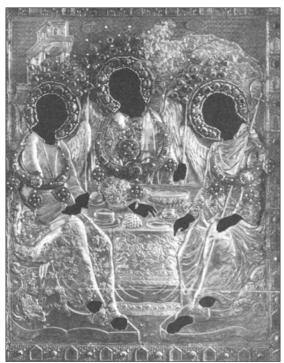

Зинаида Евгеньевна Залесская, председатель общества «Икона», Франция, г. Париж

В 1904 году в Троице-Сергиевой лавре снята была риза с образа Св. Троицы письма преподобного Андрея Рублёва и началась реставрация (т. е. постепенное освобождение образа от многочисленных записей) этой древней иконы XV века, дабы раскрыть ее первоначальный иконописный облик.

В «Истории русского искусства», изданной под руководством Игоря Грабаря в Москве в 1914 году, мы находим повествование об этом событии. «Когда, — пишет живописец В.П. Гурьянов, приглашенный благодаря настойчивым советам И.С. Остроухова в 1904 году для реставрации рублевской Троицы, — снята была золотая риза, то каково же было наше удивление. Вместо древнего и оригинального памятника мы увидели икону, совершенно записанную в новом стиле палеховской манеры 19-го века» (4, с. 228). Художник И.С. Остроухов (1858-1929), бывший страстным и опытным собирателем древних икон, обладал особой даровитостью, мудростью и чутьем. Благодаря этим качествам, а также безграничной любви к иконам он был одним из инициаторов реставрации иконы Андрея Рублёва. Чтобы получить разрешение на реставрацию, пришлось преодолеть сопротивление церковных кругов, основанное на обычае неприкосновенности к почитаемым иконам. Во время реставрации было снято несколько слоев записей, чтобы дойти до первоначальной древней живописи, к счастью, хорошо сохранившейся. Взору реставраторов и специалистов открылись скрытые ценности древнерусской московской школы иконописи.

Писатель и историк искусства П.П. Муратов (1881–1950), бывший очевидцем реставрационной расчистки «Троицы», свидетельствовал о том, что все видевшие открытое от позднейших слоев произведение Андрея Рублёва были поражены удивительной красотой и таинственной одухотворенностью

Оклад с иконы «Троица» А. Рублёва. XVI–XVIII в. Историко-художественный музей-заповедник, г. Загорск

живописи, производившей впечатпервокласление СНОГО шедевра. Вскоре икона была поставлена в ряд мировых вечных художественных ценностей. В 1929 году образ Троицы был перенесен из Троице-Сергиевой лавры в Государственную Третьяковскую галерею.

Этот, казалось бы, частный случай в искусствоведении был первым шагом к одному из величайших событий XX века, как в плане художественном, так и в плане духовном, — к открытию православной иконы. Автор «Умозрения

в красках» Е.Н. Трубецкой (1863–1920) писал об этом событии: «Совершившееся на наших глазах открытие иконы — одно из самых крупных и вместе с тем одно из самых парадоксальных событий новейшей истории русской культуры. Приходится говорить именно об открытии: так до самого последнего времени в иконе все оставалось скрытым от нашего взора — и линии, и краски, и в особенности духовный смысл этого единственного в мире искусства. А между тем это — тот самый смысл, которым жила вся наша русская старина. <...> Открытие иконы... только зачинается. Когда мы расшифруем непонятный доселе и все еще темный для нас язык этих символических начертаний и образов, нам придется заново писать не только историю русского искусства, но и историю всей древнерусской культуры» (6, с. 245–246).

Колоссальная работа, проделанная реставраторами, вернувшими впоследствии к жизни множество древних икон, сопровождалась огромным количеством иллюстрированных публикаций на многих языках. Это вызвало сильную реакцию в обществе. При созерцании вновь открытых древних икон даже у неверующих стало наблюдаться особое религиозно-духовное волнение. Л.А. Успенский (1902–1987), иконописец, реставратор, член общества «Икона» в Париже, отметил в открытии иконы новую стадию: «Начинается медленное проникновение в духовный смысл древней иконы. В ней открылся дух, неизмеримо более высокий, чем свой собственный, благоприобретенный в "просвещении". Она воспринимается уже не только как художественная или культурная ценность, но и как художественное откровение духовного опыта» (7, с. 401).

Вторым знаменательным событием XX века является состоявшийся в 1960 году в Москве торжественный юбилей А. Рублёва, в преддверии которого была открыта «Юбилейная

выставка Андрея Рублёва. посвяшенная 600-летию со дня рожвеликого художника Древней Руси». Ha выставке было представлено сто древнерусских икон преимущественно XIV века киевской, новгородской, псковской, ростово-суздальской, тверской и московской школ. Был издан каталог под редакцией В.И. Антоновой.

Выставка, главной жемчужиной которой была «Троица» А. Рублёва, яви-

«Троица» Андрея Рублёва

Андрей Рублёв и Даниил Чёрный за работой в Троицком соборе Троице-Сергиева монастыря. Лицевой список «Жития Сергия». XVI в.

лась откровением для многих посетителей и своеобразной стала вехой стойкого интереса Κ творчеству русского великого иконописца. В 1963 Москве году в был опубликован капитальный труд в двух томах В.И. Антоновой и Н.Е. Мнёвой «Каталог древнерусской живописи» в собрании Государственной Третьяковской галереи, где описаны проанализированы произведения прославленного мастера. В этом же году вышла в свет книга Н.А. Дёминой «Троица Андрея Рублёва». Творчеству преподобного Андрея посвятили свои труды B.H. искусствоведы Лазарев, М.В. Алпатов, Г.И. Вздорнов и многие другие.

Светлая рублёвская «Троица». написанная в похвалу св. Сергию Радонежскому, обобшает себе иконо-В писными средствами весь смысл троичного тематике догмата Ветхого и Нового Завета и передает чудодейственный зримый образ России.

По словам Н.А. Дёминой, «Рублёв для нас — не только ве-

ликое прошлое. По-новому осознанное его искусство возвышает людей и в наши дни. Рублёв принадлежит и будущему» (3, с. 81).

Иконостас Троицкого собора в Троице-Сергиевой лавре. Здесь до 1929 г. находилась икона «Троица» А. Рублёва

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Антонова В.И., Мнёва Н.Е. Каталог древнерусской живописи [в Гос. Третьяковской галерее]: В 2 т. М., 1963.
- 2. Выставка, посвященная шестисотлетнему юбилею Андрея Рублёва: [Каталог]. М., 1960.
- 3. Дёмина Н.А. Андрей Рублёв и художники его круга. М., 1972.
- 4. Муратов П. Русская живопись до середины XVII века // Грабарь И. История русского искусства. М., [1914]. Т. VI.
- 5. Троица Андрея Рублёва: Антология / Сост. Г.И. Вздорнов. М., 1981.
- 6. Трубецкой Е.Н. Умозрение в красках: Этюды по русской иконописи // Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 1994.
- 7. Успенский Л.А. Богословие иконы православной церкви. М., 1989.

ИКОНЫ СМОЛЕНСКОЙ И КАЗАНСКОЙ БОГОМАТЕРИ ИЗ ТОБОЛЬСКА И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ

Марина Николаевна Софронова. дения, зав. кафедрой Тобольского государственного педагогического института. г. Тобольск

Быкова. кандидат искусствове- художник-реставратор зав. музеем истории Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, г. Тобольск

Галина Дмитриевна Замолотских, православия на Алтае. г. Барнаул

XX век колоссально обогатил историю отечественного изобразительного искусства, раскрыв художественно-эстетические достоинства древнерусской иконы. Начиная с XX века иконопись стала расцениваться не только как памятник церковной археологии, но и как искусство живописи. Особенности ее живописного языка получают признание. Новое отношение к иконе, в котором эстетическое явно преобладало над религиозным, с одной стороны, породило бурный рост собирательства древней живописи, с другой — поставило задачу научного изучения и реставрации икон. Ибо их облик представлял собой конгломерат живописных напластований различных эпох, где видимое изображение порой не совпадало с первоначальным. Достоянием реставрации XX века стала целая эпоха художественной культуры Древней Руси.

Вместе с тем XX век, как никакое другое столетие, стал веком беспощадного уничтожения икон как объекта церковного культа. Атеистическое время борьбы с религией началось вскоре после революции и продолжалось до 1980-х годов, пройдя несколько этапов. Особенно это коснулось тех мест, где до революции были собраны церковные святыни.

В западносибирском регионе такой противоцерковной чистке подвергся город Тобольск. Являясь духовным центром Сибири, Тобольск положил начало не только распространению христианства за Уралом, но и сибирскому иконописанию. В связи с этим остаются актуальными поиск и изучение ранних сибирских икон, многие из которых оказались истребленными. В музеях западносибирского региона в основном сохранились произведения XIX века. Лишь тщательный анализ дает основание говорить, что среди этих икон есть произведения более раннего времени. Они поновлялись и были записаны не в стиле подлинника, а сообразно художественно-эстетическим нормам своего времени. Такой подход характерен уже для начала и середины XIX века, когда художественный язык древнего оригинала стал неактуальным и по всей России памятники древней живописи поновлялись в соответствии с «новейшими» взглядами на церковное искусство, в духе византийско-академической живописи.

Именно в таком стиле выполнено большинство из сохранившихся икон в храмах Тюменского региона. Отсутствие профессиональных художественно-реставрационных мастерских в регионе долгое время не позволяло проводить исследование иконописного наследия, поэтому лишь отдельные произведения из музейных коллекций, оригинальность или художественная значимость которых была бесспорна, отправлялись в столичные реставрационные центры. Произведения, находящиеся в действующих храмах, зачастую оставались не только необследованными, но и просто неучтенными. Однако «росписи церковным вещам», сохранившиеся в архивах, свидетельствуют, что в дореволюционное время в церквах была строгая учетность икон и другой обрядовой утвари. Сегодня церковью осознается значимость восстановления учета и систематизации церковных ценностей в сибирских храмах, а также их реставрации. Открывшаяся в середине 1990-х годов иконописная школа при Тобольской духовной семинарии стала готовить кадры не только иконописцев, но и реставраторов, что позволило в дальнейшем начать исследование храмовых икон. Так, после тщательного осмотра и снятия записи на контрольных участках одной из Богородичных икон, висевших в Покровском соборе Тобольска у мощей свт.

Богоматерь Одигитрия из Тобольского Покровского собора до реставрации

Иоанна, митрополита Тобольского и всея Сибири, была обнаружена под слоем масляной живописи темперная живопись. Икона представляет собой тип Богоматери Одигитрии.

В 2000 году ар-Тобольхиепископ и Тюменский ский Димитрий благо-СЛОВИЛ проведение реставрации этой иконы в иконописной школе при Тобольской семинарии. раскрытию иконы приступили художник-реставратор В.А. Быкова и тогда еще учащаяся 4-го курса Г.Д. Замолотских. В процессе раскрытия были обнаиконы ружены следующие слои: 0 — авторский; 1 — покрывной слой;

2 — перелевкаска (меловой грунт); 3 — грунтовка по левкасу маслом охристого цвета; 4 — подмалевок; 5 — масляная живопись, относящаяся к середине XIX века; 6 — покрывной слой живописи — лак. Верхний слой масляной живописи по рисунку Богоматери соответствовал силуэту темперы авторского слоя. Изображение Младенца-Христа не совпадало, так как Младенец в темперной живописи изображен в фас, а масляная живопись передавала легкий поворот и наклон головы Младенца к Богородице, кроме того, одежды Богоматери захватывали больше плоскости иконной доски, чем в темперной живописи. Традиционное поле, окаймляющее средник, в живописи маслом отсутствовало.

Икона храмовая, ее размеры 89 x 69 x 3, высокопрофессиональный уровень темперной живописи был скрыт под слоем

масляного поновления. По иконографии темперная икона выполнена как Одигитрия Смоленская. Богоматерь представлена величественно. Ее фигура как бы вытянута вверх таким образом, что захватывает более чем поясное изображение. Левой рукой она держит Младенца-Христа, а правой указывает на него и в то же время приемлет от него благословение. Младенец сидит строго фронтально. Его правая рука, отведенная в сторону, в благословляющем жесте. В левой руке — вертикально расположенный свиток, верхняя часть которого находится на уровне груди Бога-Младенца.

Свободный, не всегда совпадающий с графьей рисунок говорит о профессионализме иконописца. А мягкие, легко сплавленные лики свидетельствуют о его высоком мастерстве. Охрение завершает моделировку ликов, создавая впечатление исходящего от них нетварного света. Условно согласно стилистической характеристике икону датировали концом XVII – началом XVIII века. Однако отсутствие подобных памятников в музеях и храмах Тюменского региона не позволило провести атрибуцию точнее. Более того, высокохудожественный уровень этой иконы давал основание полагать, что она была написана не сибирским мастером, а мастером из России. По стилю икона напоминала живопись мастеров Оружейной палаты.

Местоположение иконы в храме связывало ее с именем свт. Иоанна (Максимовича), митрополита Тобольского и всея Сибири. Иногда эту икону принимали за образ Богоматери, перед которым почил в Бозе Святитель. Однако та икона, впоследствии именовавшаяся Тобольской, по иконографии восходила к образу Богоматери Ильинско-Черниговской, который тоже представлял собой тип Одигитрии. Но, во-первых, Бого-Младенец располагался не фронтально, а в повороте, обращенном к Божией Матери. Во-вторых, их головы украшали венцы. Кроме того, икона из Покровского собора имела оклад, по рисунку совпадающий с изображением на поновлении, а по надписанию значилась как Казанская. Эта любопытная деталь заставила параллельно собирать сведения об известных в Тобольской губернии иконах Казанской Божией Матери. Таким образом, поиск сведений об иконах Богоматери Одигитрии был продолжен по трем направлениям: собиралась информация о прославившихся образах в пределах Киевской епархии, в пределах Сибирской епархии и сведения о почитании икон Богоматери Казанской в Сибири.

Из икон Киевской епархии особо следует отметить древний образ Богоматери Любеческой из Черниговской губернии. По преданию, ее явление относится к XI веку. С давних пор она прославилась чудесами, о которых говорит свт. Димитрий Ростовский. Характер надписания на ней соответствует нашей иконе: в верхней части средника по обе стороны от лика Богоматери два крупных медальона с титлами Матери Божией, титлы Иисуса Христа в прямоугольном шестиграннике, расположенном справа от головы Бого-Младенца. В левой руке Спаситель держит вертикально поставленную книгу, от которой видна лишь продольная полоса корешка. В сюжете иконы из Покровского собора Тобольска представлен редко встречающийся на русских иконах вариант вертикально расположенного свитка.

Большая иконографическая схожесть этих двух образов

Богоматерь Одигитрия из Тобольского Покровского собора в процессе реставрации

возможность дает предположить, что образ Любеческой Богоматери послужить прообразом для иконы из Покровского собора и был привезен одним из украинских митрополитов. Это МОГ быть и CBT. Иоанн. переведенный Тобольск ИЗ Чернигова, свт. Димитрий, назначенный в 1700 году на Тобольскую кафедру, но по состоянию здоровья в Сибирь не приехавший И через ГОД направленный в Ростовскую епархию. Этот иерарх в своих дневниках за 1689 год сделал запись о Любеческой иконе и ее чудесах,

а также, будучи в Любече, велел снять список с нее. В течение года являясь митрополитом Сибирским, он проявлял заботу о своей сибирской пастве и внимание к ней. Встречаясь в Москве с людьми, направляемыми в Сибирь и возвращающимися оттуда, свт. Димитрий оказывал им радушный прием, выспрашивал их о сибирских делах и одаривал подарками. Быть может, Богоматерь Одигитрия и есть дар свт. Димитрия.

Таким образом, можно предположить, что икона, много лет висевшая у мощей святителя Иоанна, привезена из Украины одним из тобольских митрополитов. Тем более что Тобольскую кафедру с 1701 по 1768 год возглавляли выходцы из Киевской духовной академии. Их стараниями могла быть заказана и привезена в Тобольск почитаемая икона Божией Матери. Поновление этой иконы, сделанное в технике масляной живописи не позднее чем в середине XIX века, не только поменяло древнерусский образец живописи на академическое письмо, но изменило и позу Младенца-Христа. Обращает на себя внимание то, что Спаситель дан в легком развороте к Богоматери с чуть склоненной к ней головой. Стилистически это изображение напоминает образ Божией Матери Ильинско-Черниговской, который, по преданию, привез свт. Иоанн, митрополит Тобольский и всея Сибири. Только характерные царственные венцы у Богоматери и Младенца отсутствуют. При сопоставлении изображения данной иконы, как темперного, так и масляного ее слоя, с иконами типа Богоматери Одигитрии из фондов Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника были обнаружены явные композиционные совпадения, при этом живописная манера и техника — различны.

Следовательно, в иконе Тюменского региона нашли отголоски и почитаемые в Украине образы Богоматери, и характерные для юго-западных земель композиционные формы. Так как киевская школа иконописи наиболее древняя в древнерусском иконописании, то в основании своем она имела греческие образцы. Извлеченная из-под записей икона Богоматери Одигитрии из Покровского собора Тобольска являлась образцом для новых икон, писавшихся в Тобольской епархии. Она, быть может, стала связующей нитью русских и византийских художественных христианских традиций. Через образ Матери Божией явлен образец для подражания современным сибирским иконописцам, ориентирующий на возрождение духовных основ и художественной культуры России.

Богоматерь Казанская из Тобольского Софийского собора

Богома-Икона Одигитрии Покровского ИЗ собора несомненно оказала влияние на сибирское иконописание. отношении этом стало важным разобраться, почему на образе Богома-Смоленской тери был оклад с надписанием «Казанская». Для начала можно сказать, что в Тобольском Знаменском монастыре в 1661 году прославился образ Казанской Божи-Матери. образ был очень почитаем тоболяками, но в XIX веке

произошло наложение: некоторые из горожан считали иконой «Богоматерь Тобольская» именно прославившуюся в Тобольске икону Богоматери Казанской, а другие «Тобольской» называли икону, оставшуюся от святителя Иоанна. Ошибка закралась даже в сборник чудотворных образов Богоматери, выпущенный С. Снессоревой в 1890 г.

При сравнении иконы Богоматери Одигитрии из Покровского собора Тобольска, о которой говорилось ранее, с образом Казанской Божией Матери, написанным в XVIII веке и ныне находящимся в Софийском соборе Тобольска, который также был отреставрирован силами иконописной школы, обнаружилось, что эти иконы имеют ряд идентично выполненных деталей лика и одежд. Высокая посадка Младенца на первой иконе позволяла вычленить в композиции подгрудное изображение Богоматери, которое при незначительном изменении наклона ее головы дает иконографически другой образ, а именно Богоматери Казанской. Разлет

бровей, форма глаза со слезничком, линии носа, уха в лике Богоматери имеют достаточно сильное сходство. Его можно отметить даже в характере наложения притинок: область верхних век, переход от щек к подбородку, складки на шее. Но все-таки это работы разных мастеров. Образ Казанской Божией Матери написан местным иконописцем. Уровень его мастерства достаточно высокий, он не только удачно сохранил основу копируемого образа, но и нашел точное соотношение между фигурами в новой композиции. Для этого иконописцу пришлось немного изменить пропорции доски, увеличив ее размеры по вертикали. В связи с этим голова Богоматери и фигура Младенца-Христа стали несколько вытянутыми вверх, а пропорции Бого-Младенца по отношению к Богоматери — несколько мельче. Однако живописная манера выдает руку провинциала. Там, где на иконе Смоленской Богоматери мастер добивается объемности за счет мягких переходов полутонов, сибирский иконописец использует линию и контраст тонов. Это особенно наглядно в живописном решении одежд. Темно-вишневый мафорий на первой иконе имеет несколько оттенков с добавлением зеленоватых, красноватых тонов. Цвет мафория на Казанской иконе локально красный. Его складки прочерчены контрастной четкой линией черного, но они соответствуют расположению и направлению складок на первой иконе. То же можно сказать о хитоне и гиматии Бого-Младенца: их цвет изменен, но решение сохраняет логику группировки складок, графически выявляя четкость и ясность их построения. Лик Спасителя на иконе имеет тюркские черты. По времени написания икону можно отнести к первой половине XVIII века. Она была явно почитаема православными Тобольской епархии, ее, как и другие излюбленные образы, брали за основу при написании новых икон, которые тоже впоследствии становились почитаемыми и чудотворными.

Примером этого может служить образ Казанской Божией Матери из деревни Чимеево, прославившийся уже в советское время. О чимеевской иконе есть несколько публикаций, подготовленных курганской исследовательницей Г.В. Максимовой. Она справедливо считает, что икона была написана тобольскими иконописцами в конце XVIII века. Легенда обретения этого образа гласит, что икона приплыла по реке Нияп, притоку Тобола, и остановилась напротив церкви деревни Чимеево. Из архивных документов известно, что в

1770 году «жители Терсецкой слободы... деревень Мамоновой, Брылиной, Белоусовой, Могильниковой и Чимеево просят построить в д. Чимеево церковь Пресвятой Богородицы явления Ея в Казани» (1). Вероятно, икона предназначалась для местного ряда иконостаса и написана была вскоре после построения храма. При сопоставлении тобольской и чимеевской икон обнаруживается их несомненное сходство, особенно это очевидно в образе Богоматери. Рисунок Бого-Младенца тоже совпадает, только его фигура расположена чуть выше, а лик хоть и сохраняет тюркские черты, но характер их выдает облик уже взрослого человека. На полях иконы, в нижней ее части — предстоящие: св. Модест (Медост), патриарх Иерусалимский, и св. Илия пророк. Изменился характер живописи: во-первых, колорит выдержан в единой монохромной гамме охристо-коричневого тона, во-вторых, графическое начало доминирует над живописным, создавая впечатление иконы-подокладницы.

Так постепенно при выстраивании икон в ряд обнаружилась их преемственность, в основе которой лежал закон сохранения канона. Однако канон не являлся препятствием для творческого поиска иконописца и применения различных приемов живописного языка. Более того, можно увидеть, как, используя особо почитаемый образ, иконописцы свободно переходят от него к другому иконографическому образу. При прослеживании на данном примере особенностей иконописания в пространственно-временной перспективе выявляются не только характерные черты сибирской иконописи, но и упрощение со временем живописного языка.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске», ф. 156, оп. 1, д. 448.
- 2. Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных ее икон, чтимых православною церковью, на основании Священного Писания и церковных преданий, с изображениями в тексте праздников и икон Божией Матери. Ярославль, 1994.
- 3. Сулоцкий А. О сибирском духовенстве. Тюмень, 2000. Т. 2.

ПОРТРЕТНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ СВЯТИТЕЛЯ ИОАННА, МИТРОПОЛИТА ТОБОЛЬСКОГО И ВСЕЯ СИБИРИ

Марина Николаевна Софронова, кандидат искусствоведения, зав. кафедрой Тобольского государственного педагогического института, г. Тобольск

Земной путь свт. Иоанна пришелся на время крупных преобразований в Русском государстве. Реформы Петра I должны были устройство российской жизни преобразо-

вать в духе европейских традиций. Однако земли Сибири цивилизовать за короткий срок в силу отдаленности было задачей чрезвычайной сложности. С этой целью на дальние окраины в северо-восточные епархии назначаются иерархи из Украины. Первым Сибирскую кафедру возглавил свт. Димитрий Ростовский, митрополит Сибирский и Тобольский, его преемником был митрополит Филофей. В 1711 году, когда последний из-за болезни удалился в Тюменский Троицкий монастырь и принял схиму, на его место был поставлен святитель Иоанн.

Жизненный подвиг Святителя исполнен благочестия. Он появился на свет в 1651 году в городе Нежине Черниговской губернии. Его отец, Максим Васильковский, называемый также Васильским или Печерским, происходил из древнего малороссийского дворянского рода. Около Нежина семья Максимовичей арендовала мельницы и земли Киево-Печерской лавры, организуя тем самым пропитание монастыря, снабжение его утварью, а кроме того занимаясь строительством храмов. Мать, Евфросиния Максимович, оказала большое влияние на решение сына поступать в Киевскую духовную коллегию, после окончания которой он был профессором латинского языка. В начале 1670-х годов будущий Святитель принял монашеский постриг с именем Иоанна, в честь Вселенского учителя святителя Иоанна Златоуста; рукополагал его архимандрит Киево-Печерской лавры отец Иннокентий (Гизель). В монастыре отец Иоанн был избран экономом, начиная с 1675 года выполнял в лавре послушание проповедника слова Божия. В 1680 году будущий Святитель был отправлен с посольством в Москву с просьбой о помощи лавре в случае нападения на Киев турок и о разрешении

Иоанн Максимович, архиепископ Черниговский

укрыться при этом в Брянском Свенском монастыре. Миссия Иоанна увенчалась полным успехом: инокам печерским было предоставлено право не только укрываться В Свенском монастыре, но и обратить эту обитель в полное свое владение. Первым намест-«Новопечерского» Свенского монастыря стал иеромонах Иоанн (Макси-Подвижническая жизнь и глубокие богословские познания отца Иоанна обусловили то, что позднее он был назначен настоятелем одной из древнейших обителей — Елецкого Успенского монастыря Чернигове. В 1697 году по грамоте царя Петра Алексеевича отец Иоанн был архиепископом назначен

Черниговским. Свою кафедральную обитель владыка Иоанн привел в образцовый порядок. Одной из важных забот Святителя стало духовное просвещение. В 1700 году в Чернигове им был основан «коллегиум», послуживший прообразом для духовных семинарий России. Предметом особой заботы Святителя была библиотека коллегии, где были собраны редкие и старинные книги.

Назначение Святителя в Тобольск состоялось в 1712 году. Покидать родную Малороссию было для него делом нелегким: его ждали суровый край, некрещеные народы, малообразованное духовенство, но личной выгоды владыка не искал. Ему предстояло просветить эту темную страну, Сибирь, евангельским светом.

Летопись сообщает: «Преосвященный Иоанн Максимович, архиерей Черниговский переведен в Сибирь митрополитом» (3, с. 30). Этот высокообразованный иерарх обладал даром красноречия, и в Сибири особое значение он придавал духовному совершенствованию, в основе которого лежало согласование человеческой воли с Божией волей. Эти бого-

словские искания выразились в таких его трудах, как «Нравственное зерцало», «Богородице Дево», «Феатрон, или Позор нравоучительный», «Толкование на 50-й псалом» и др. В 1714 году, когда Святитель был уже в Тобольске, в Чернигове вышел его главный труд — «Илиотропион».

Видя отставание сибиряков в вопросах просвещения и образования, митрополит Иоанн неустанно заботился о его преодолении. Он усовершенствовал школу, открытую еще митрополитом Филофеем, освятил новые храмы Тобольска, отправил миссию в Пекин, перекладывал на славяно-русский язык свои труды, написанные по-латыни. Однако «сибирское низшее духовенство было крайне необразованно, ученые священники встречались лишь в виде исключения, и митрополит с трудом мог находить в духовенстве поддержку для своих написаний» (2, с. 9).

Несмотря на трудности, с которыми столкнулся Святитель, его жизнь в Тобольске была подвижнической и высокодуховной. Он часто совершал Божественную литургию и поучал паству своими проповедями. Возможно, сибирское затворничество в какой-то степени еще более способствовало развитию в нем тех христианских добродетелей, о которых он писал в своих трудах. Сибиряки запомнили владыку как скромного, благорассудительного, тихого, очень милостивого и сострадательного к бедным. «Сохранились свидетельства того времени о том, что многие бедствующие слышали вечерней порой стук в окошко, а когда открывали его, им передавалось подаяние со словами: "Примите во имя Иисуса Христа". Он часто навещал каторжников в тюрьмах, молился за них, утешал и давал деньги на пропитание» (4, с. 88).

Десятого июня 1715 года после Божественной литургии святитель Иоанн устроил трапезу, на которую пригласил духовенство и бедных. Сам прислуживал собравшимся за столом, а затем, простившись со всеми, удалился к себе. Вечером того дня владыка почил в Бозе. Его нашли коленопреклоненным перед образом Божией Матери.

Через двести лет в Синоде был поднят вопрос о прославлении Святителя, причислении его к лику святых, а в июне 1916 года была совершена канонизация.

Однако глубокое почитание владыки началось еще при его жизни и не затухало все последующие годы. В середине XIX века протоиерей Александр Сулоцкий замечал: «К митрополиту Иоанну Максимовичу в Тобольске и во всей Сибири питают особенное благоволение: по нем многие служат панихиды, поклониться на гроб его приходят и приезжают издалека» (5, с. 40).

Неизвестный художник. Труменной портрет тобольского митрополита Иоанна Максимовича. XVIII в.

Еще задолго до канонизации имели широкое распространение портретизображения этого Святителя, на основе которых в период прославления были созданы иконы. До настоящего времени в нескольких музеях сохранились портреты разного времени. Среди есть прижизненный портрет Святителя из Чернигова. Это порпоколенный трет свт. Иоанна Максимовича архиепискосане па Черниговского.

Святитель представлен в полном архипастырском облачении с посохом в правой руке и крестом в левой. На этом портрете владыка изображен уже в летах. Он высокого роста, осанистый, создается впечатление, что он крупного сложения. Острый взгляд небольших глаз из-под бровей, идущих на взлет, орлиный нос — все это выдает человека очень волевого. Взгляд его кажется пронзительным. На фоне по обе стороны от архиерея в верхней части холста изображены герб и монограмма рода Максимовичей. Саккос Святителя очень нарядный, богато орнаментированный. Этот портрет представляет собой типичный образец украинской портретной живописи.

Немалый интерес представляет для нас портрет свт. Иоанна на шестигранной металлической пластине из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (ТГИАМЗ). Этот оплечный образ выглядит не совсем обычно. Его характеризуют особое спокойствие, строгость, погруженность в раздумье. Взгляд направлен куда-то вдаль, мимо зрителя, как бы в небытие, связывая его с иным, ирреальным миром. Живописная манера выдает руку профессионального мастера, хорошо владеющего светотеневой моделировкой. В

этой манере нет и намека на парсунное письмо или иконописные традиции. Создается впечатление, что это позднее произведение. Однако в дореволюционных инвентарных книгах ТГИАМЗ сохранились записи, где под № 644 значится: «Старый портрет Иоанна Максимовича». И попал в музей он не случайно, видимо, как исторический памятник. Следовательно, можно предположить, что уверенная живописная манера, размашистый почерк относятся к поздним наслоениям, сделанным с целью обновления портрета.

Характерная форма пластины, ее материал дают основание предположить, что это труменной портрет митрополита, то есть портрет, написанный сразу как только душа Святителя отошла к Богу. Портрет этого типа должен был являться непременной частью погребального обряда. Пластина набивалась на торцевую часть гроба, она входила в состав обязательного декора гроба, символизируя присутствие усопшего на церемонии. Перед этим изображением происходило прощание с ним. Становится понятной та образная характеристика внутреннего спокойствия, собранности и созерцательности, которую художник дает лику владыки. В подобных труменных портретах художники стремились добиться этого состояния собранности. «естественно было трактовать момент смерти как важнейший момент бытия человека, готовящегося предстать перед вечным судьей и поэтому отринувшего все земное и суетное» (6, с. 220). Такие погребальные изображения были своего рода национальным явлением Речи Посполитой. Из Польши этот тип портрета переходит в похоронный церемониал украинских земель и соответственно появляется в живописи Украины.

Не удивительно, что погребальный портрет, так характерный для западных земель, вдруг появляется на восточной окраине Российского государства. Ведь свт. Иоанн происходил из дворянской семьи, малороссийские дворяне вобрали в свои культурные традиции многие из особенностей культуры Польши, а затем их сохраняли в семейном укладе и передавали из поколения в поколение. В свою очередь, украинское искусство, воспринявшее основные формы польской культуры, оказало влияние на формирование изобразительного искусства Сибири. Поэтому необычный для России тип труменного портрета нашел место в искусстве Сибири.

Ко второй половине XVIII века относится портрет Иоанна Максимовича, митрополита Тобольского и Сибирского, из Тюменского областного музея изобразительных искусств. На изображении чуть ниже поясного представлен Святитель в митрополичьей мантии и белом клобуке. Несмотря на внеш-

Неизвестный художник второй половины XVIII в. Портрет Иоанна Максимовича, митрополита Тобольского и Сибирского

атрибуты репрение зентативности, фигура архипастыря выглядит далеко не крупной, а лицо суховатое, постническое. В этом портрете, как и в черниговском, сохранились острота взгляда и некоторые характерные черты лица, например форма носа, линия бровей. Но в целом индивидуздесь уходит альное на второй план, лицо уподобляется лику. Эта мемориальность образа навеяна еще и тем, что портрет создавался на основе копии более раннего изображения Святителя.

Известно, что одно из таких изображений находилось в приделе Софийского собора в Тобольске на правой стене алтаря, «изображен Иоанн Максимович во весь рост, в белом

митрополичьем клобуке и голубой, с источниками, мантии» (5, с. 40).

Память людская и любовь к владыке Иоанну не угасли и более чем через сто лет после его блаженной кончины. В 1849 году иконописец из тобольских мещан Иван Козлов создает еще один портрет митрополита (фото на с. 2 обложки). Ныне он находится в собрании ТГИАМЗ. Внешне портрет повторяет вышеописанный образ. Однако в этом произведении художник стремится запечатлеть особую благообразность, красоту строгих и благочестивых черт Святителя. Вместе с тем живописная манера мастера отвечает духу искусства XIX века, ориентацией которого был реализм, декларирующий жизнеподобие. Но в портретах митрополита Иоанна сибирского периода психологизм образа был преодолен.

И мастеру XIX века, имевшему в качестве образца портрет XVIII века, пришлось эту важную черту, формирующую конкретность, убедительность, заменить некоторым натурализмом, опирающимся на физиогномические признаки. Фигура, изображенная на глухом, темном фоне, исключающем всякую пространственную глубину, благодаря активной светотеневой моделировке «выдвигается» из плоскости фона. Внешнее решение образа отличается тяжеловесной убедительностью и скульптурностью.

Сохранявшиеся в Тобольске портреты свт. Иоанна подтверждали: «Священна память молитвенника Тобольской паствы, митрополита Иоанна Максимовича» (2, с. 10). И когда в 1916 году при огромном стечении богомольцев в Тобольске износились «из недр земных честные и целебные мощи Иоанна» «как сокровище многоценное», не только храмы города, но и церкви разных краев и весей губернии украшали иконные образы этого святого. Они были написаны на основе тобольских портретов, которые по сути своей явились предвестниками икон. Иконографический тип, заложенный в основу иконы Свт. Иоанна, оказался очень устойчивым. В сознании православных сибиряков именно поясное изображение Святителя в голубой мантии и белом клобуке наиболее точно отвечает категории правды об этом святом.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Белецкий П. Украинская портретная живопись XVII–XVIII вв. Л., 1981.
- 2. Макарий, архимандрит (Веретенников). И всея Сибири чудотворец // Религия и церковь в Сибири: Сборник научных статей и документальных материалов. Тюмень, 2002. Вып. 16.
- 3. Скосырев Н.Д. Очерк жития митрополита Тобольского и всея Сибири Иоанна Максимовича. М., 1892.
- 4. Софронов В.Ю. Светочи земли сибирской. Екатеринбург, 1998.
- 5. Сулоцкий А. О церковных древностях Сибири. Тюмень, 2000.
 - 6. Тананаева Л.И. Сарматский портрет. М., 1979.
- 7. Фомин С.В. Последний царский святой. Святитель Иоанн (Максимович) митрополит Тобольский, Сибирский чудотворец. СПб., 2003.

СТОЛИЧНЫЙ ХРАМ СИБИРЯКОВ

Татьяна Сергеевна Шорохова, историк, член Союза писателей России, ответственный сотрудник Благотворительного фонда имени Иннокентия Сибирякова, г. Санкт-Петербург

В конце XIX века сибиряки, проживавшие в столице Российской империи, приложили немало усилий, чтобы устроить храм для совместной молитвы под покровитель-

ством святителя Иннокентия Иркутского. Понял и разделил их чаяния директор Первого реального училища Александра III Николай Иванович Билибин. Четырехэтажное здание училища на углу 12-й линии и Большого проспекта Васильевского острова можно увидеть и сейчас — теперь оно принадлежит Морскому корпусу имени Петра Великого. Первое реальное училище в столице было единственным из реальных училищ в Европейской России, которое содержало учеников на полном пансионе. В начале 90-х годов XIX века здесь обучалось около 400 учащихся. Кроме учеников при училище проживали преподаватели и надзиратели с их семьями и прислугой. В Первом реальном училище обучалось немало мальчиков и юношей из Сибири с перспективой в дальнейшем получить образование в технических вузах и вернуться в родной край специалистами горной и других отраслей промышленности.

В 1890–1891 годах к главному зданию училища по 12-й линии пристроили трехэтажный директорский флигель, на верхнем этаже которого была освящена домовая церковь в честь Святого Благоверного Князя Александра Невского и Святителя Митрофана Воронежского. Училищный храм состоял из двух помещений, что давало возможность устроить при нем еще один придел. Именно в этом месте почти исключительно на средства сибиряков, проживавших в Санкт-Петербурге, придел в честь иркутского Святителя Иннокентия и был сооружен.

В официальном письме попечителю Санкт-Петербургского учебного округа 31 марта 1894 года директор Первого реального училища писал: «Вашему Превосходительству известно, что церковь при вверенном мне училище состоит из двух... зал, соединенных друг с другом тремя арками; правая зала собственно и представляет церковь. Среди некоторых сиби-

ряков, проживающих в С. Петербурге, к числу которых принадлежит и г. товарищ министра князь М.С. Волконский, возникла мысль об устройстве в свободной левой зале придела во имя Святителя Иннокентия, первого епископа Иркутского, знаменитого миссионера, подвизавшегося в царствование императора Петра Великого. На устройство придела по сие время пожертвовано 4 000 р. Сумма эта вполне достаточна. На основании сего имею честь почтительнейше испрашивать ходатайства Вашего П[ревосходительст]ва о разрешении устроить в церкви вверенного мне училища придел во имя Святителя Иннокентия, первого епископа Иркутского» (1, л. 116).

Вскоре из Министерства народного образования пришел ответ, уведомлявший, что митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Палладий сочувствует устройству придела во имя Святителя Иннокентия.

Среди главных ревнителей устройства придела в честь Святителя Иннокентия, Иркутского Чудотворца, и жертвователей на него современники называли уроженца Иркутска, миллионера-золотопромышленника, вставшего впоследствии на мо-

Здание Первого реального училища в Санкт-Петербурге. 1912 г.

нашеский путь, Иннокентия Михайловича Сибирякова, Олимпиаду Филипповну Мыльникову (в девичестве Трапезникову), князя Михаила Сергеевича Волконского, известную иркутскую благотворительницу Юлию Ивановну Базанову, княгиню Ольгу Михайловну Вяземскую (в девичестве Сибирякову), Николая Ивановича Билибина и др. Первый крупный вклад на сооружение придела сибирского Святителя внесла Лидия Васильевна Дрентельн. Через полтора года Иннокентий Михайлович Сибиряков пожертвовал 3 тысячи рублей в «неприкосновенный церковный капитал, проценты с коего, согласно воле жертвователя, должны расходоваться на оплату ранних обеден в приделе святителя Иннокентия в двунадесятые праздники и праздники и на прочие нужды вообще» (6, с. 6).

Новый храм Божий устраивался не только «во имя великого просветителя Сибирской страны Иннокентия Иркутского», но и в «память восшествия на престол имп. Николая Александровича» (5, с. 1720–1721). Ко дню освящения придела городской голова Иркутска Владимир Платонович Сукачев прислал в Санкт-Петербург священные одежды святителя Иннокентия. Настоятель Иркутского Вознесенского Святителя Иннокентия монастыря, впоследствии епископ Якутский Никодим передал в дар икону Святителя, освященную на святых и цельбоносных мощах великого угодника Божия, как значилось на обороте иконной доски (6, с. 4).

Накануне освящения придела, 18 ноября 1894 года, было совершено всенощное бдение. Сибиряки и все присутствовавшие вознесли соборную молитву святителю Иннокентию Иркутскому в том граде, где некогда было положено начало скорбному, но благодатному епископскому служению владыки Иннокентия, предстоявшему ему в далеком сибирском крае. На следующий день, 19 ноября, освящение придела во имя Святителя Иннокентия Иркутского совершил преосвященный Никандр, епископ Нарвский, ректор Санкт-Петербургской духовной академии.

Не случайно именно к этому дню было приурочено освящение придела в честь Святителя Иннокентия. 19 ноября (2 декабря по новому стилю) Православная церковь совершает богослужения в честь образа Божией Матери «В скорбех и печалех Утешение». Эта чудотворная икона — главная святыня Афонского Свято-Андреевского скита — с 1891 года находилась в Благовещенском храме Санкт-Петербургского подворья Свято-Андреевской обители. В 1894 году, за несколько месяцев до освящения придела Святителя Иннокентия, насельником столичного подворья стал Иннокентий Михайлович Сибиряков. Недавно нам стало известно от афонских иноков, что в 1894 году настоятелю Санкт-Петербургского подворья Свято-Андреевского скита отцу Давиду (Мухранову) —

духовнику И.М. Сибирякова — было откровение от образа «В скорбех и печалех Утешение» о небесном избранничестве Иннокентия Сибирякова для монашеского подвига (4). Похоже, что не без его ведома освящение придела в честь сибирского святого было назначено на день празднования главной скитской святыни. Так будущий афонский схимник почтил не только своего небесного покровителя Иннокентия Иркутского, но и образ Пресвятой Богородицы.

На освящении придела Святителя Иннокентия Иркутского присутствовали министр народного просвещения граф И.Д. Делянов, товарищ министра князь М.С. Волконский, директор департамента народного просвещения Н.М. Аничков, директора многих столичных гимназий, почетные лица, прихожане и сибиряки, пожертвования которых дали возможность появиться в Санкт-Петербурге первому храму в честь почитаемого святителя.

Среди церковных святынь в приделе Святителя Иннокентия Иркутского была старинная икона Казанской Божией Матери с крестом-мощевиком. Иконы в иконостасе и запрестольный образ в алтаре — Царица Небесная с Младенцем на руках — были писаны академиком Н.П. Шаховским. Через восемь лет после устроения придела очевидец отмечал, что этот храм

Придел во имя Свт. Иннокентия Иркутского при Первом реальном училище

Иннокентий Михайлович Сибиряков (1860–1901)

«отличается еще большим благолепием, благодаря продолжающемуся к нему благоговейному вниманию его соорудителей» (2, с. 39).

На весь Петербург славился «большой и очень хороший хор», состоявший из учащихся Первого реального училища, которым руководил известный в столице регент К.К. Бирючев. Служба в училищной церкви отличалась всегда, особенно в великие праздники, полнотой и строгостью исполнения во всех частях.

Не раз в приделе Иннокентия Иркутского служил святой праведный Иоанн Кронштадтский, обращавший горячее слово своей проповеди к сибирякам и

воспитанникам училища. Он значится первым учредителем Православного братства святителя Иннокентия Иркутского, которое возникло при Первом реальном училище через полтора года после освящения придела сибирского Святителя. Первыми почетными членами братства были избраны отец Иоанн Кронштадтский и Иннокентий Сибиряков, который в том же 1896 году принял постриг в ангельский чин и отбыл на Афон. «Памятуя, что Братство возникло под покровом Святителя Иннокентия, — написано в первом отчете православной общественной организации, — учредители Братства поставили заботы о нуждах придела во главе устава Братства» (6, с. 5).

Братство Иннокентия Иркутского проводило большую и интересную работу, в том числе много помогало бедным храмам Сибири, о чем нужно рассказывать в отдельной статье. Возвращаясь к истории придела в честь Святителя Иннокентия Иркутского в Санкт-Петербурге, важно отметить, что он имел огромное значение для сибиряков, проживавших в столице или прибывавших в город на Неве на длительный срок. Духовная жизнь в приходе, молитвенное единение становились основой для плодотворного общения и за порогом храма, согревали человеческие отношения, помогали поддерживать разносторонние связи с родиной.

В 1919 году богато убранный храм, созданный попечением

сибирских благотворителей, был ликвидирован, часть вещей передана в Андреевский собор. Такая же участь постигла и Санкт-Петербургское подворье Старо-Афонского Свято-Андреевского скита с его Благовещенским собором. Многие святыни этих храмов утрачены, возможно, навсегда. Но чудотворную икону Божией Матери «В скорбех и печалех Утешение» Промысел Божий для верующих сохранил. Она находится ныне в знаменитом Николо-Богоявленском соборе Санкт-Петербурга и раз в году выносится в середину храма, становясь главной святыней праздничного богослужения. В этот памятный день чудотворного образа — 19 ноября (2 декабря по новому стилю) — уже редко кто может вспомнить о торжественном, праздничном и радушном торжестве, некогда состоявшемся в стенах Первого реального училища, когда столичные сибиряки в духовной радости праздновали освящение придела в честь Святителя Иннокентия Иркутского, связав многие годы своей жизни и с этим храмом, и с благими трудами на пользу ближнего в Братстве святителя Иннокентия. Придел в честь Иннокентия Иркутского был одним из многих молитвенных мест во имя Святителя, щедрые пожертвования на устройство которых внес Иннокентий Михайлович Сибиряков, чье почитание своего небесного покровителя отличалось особым усердием.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1. Российский государственный исторический архив (СПб.), ф. 64, оп. 1, д. 1200.
- 2. А. К. Церковь при первом реальном училище в С.-Петербурге // Русский паломник. 1902. № 2.
- 3. Антонов В.В., Кобак А.В. Святыни Санкт-Петербурга: Христианская историко-церковная энциклопедия. СПб., 2003.
- 4. Дневник иеросхимонаха Владимира, насельника Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Выписки из дневника включены в письмо, присланное в адрес Благотворительного фонда имени Иннокентия Сибирякова, за подписью игумена Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря священноархимандрита Иеремии от 9 (22) февр. 2005 г. Исх. без №. В журнале регистрации входящей корреспонденции фонда письмо зарегистрировано под № 24 от 09. 03. 2005 г.
- 5. Освящение придела в церкви при Первом реальном училище в С-Петербурге // Церковные ведомости. 1894. № 48. Прибавления.
- 6. Отчет о деятельности Православного братства Святителя Иннокентия, Первого Епископа Иркутского Чудотворца, при церкви С.-Петербургского Первого Реального училища (1896–1897). СПб.. 1898.

и.м. сибиряков — Родной сибири

Белла Анатольевна Соловьёва, кандидат искусствоведения, член Союза художников России, г. Санкт-Петербург

Недолгая жизнь Иннокентия Михайловича Сибирякова (1860–1901) прошла в трех удаленных друг от друга местах: первые пятнадцать лет — в Иркутске, следующие двадцать один год — в Санкт-Петербурге и последние пять лет — на Афоне, в Свято-

Андреевском скиту. Но связь с родиной не определялась для него ни расстоянием, ни количеством лет, прожитых в родном городе. Ее сформировали поколения предков, живших до него на этой земле более полутора столетий, особый характер и история родного края, наконец, сама его фамилия. И потому в делах благотворения, которые наполняли жизнь Иннокентия Михайловича, такое большое место занимала Сибирь.

Самой широкой сферой благотворительности И.М. Сибирякова была поддержка просвещения. С молодых лет сам устремленный к знаниям, он старался облегчить доступ к ним всем желающим. Он издавал книги, помогал библиотекам, музеям, народным домам, обществам попечения о начальном образовании. Библиотеке в Нерчинске Сибиряков пожертвовал 1 500 рублей (1886), в Ишиме — 2 000 рублей (1887), в Ачинске — 1 000 рублей (1887), в Красноярске — 2 000 рублей (1889). На его средства была устроена библиотека на Успенском золотом прииске, где находилось главное управление компании Сибиряковых, Базановых и Немчинова.

Особенно существенную помощь Иннокентий Михайлович неоднократно оказывал культурным учреждениям Томска, Минусинска, Барнаула. Томск был одним из центров просвещения Сибири благодаря многогранной деятельности П.И. Макушина. Им, в частности, было создано Общество попечения о начальном образовании в Томске (1882), послужившее образцом для таких же обществ в других городах Сибири; по его инициативе и при его действенном участии в Томске были открыты первая в России бесплатная народная городская библиотека (1884) и Музей прикладных знаний

(1892). После открытия библиотеки и обращения общества о пожертвованиях для нее И.М. Сибиряков несколько раз высылал книги и деньги для их приобретения, а также прислал волшебный фонарь для демонстрации картин во время воскресных народных чтений. В речи на общем собрании общества 3 марта 1885 года его председатель П.И. Макушин сказал: «Добрые люди не разбирают своих и чужих; они радуются всякому светочу, где бы и кем бы он ни был зажжен, и шлют ему свою посильную лепту на поддержание священного, дорогого для них света знания... Кто просил Иннокентия Михайловича Сибирякова слать из Ялты сотни рублей и в Общество, и на библиотеку?» (6, с. 13). В 1885 году Сибирякову было присвоено звание члена-ревнителя Общества попечения о начальном образовании в Томске. Для строительства здания Музея прикладных знаний И.М. Сибиряков пожертвовал 3 тысячи рублей, благодаря чему и началось его строительство. Экспонаты музея рассказывали об истории и этнографии края, его естественных богатствах, сельском хозяйстве и промышленности.

Большую роль сыграл И.М. Сибиряков в истории Минусинского публичного музея, созданного в 1877 году трудами удивительного человека — натуралиста, краеведа и провизора Н.М. Мартьянова; в 1879 году по его инициативе в Минусинске была создана общественная библиотека. Иннокентий Михайлович никогда не был в этом городе, не знал Мартьянова лично, но с 1884 года он начал оказывать Минусинскому музею регулярную и весьма значительную помощь, которая позволила превратить отдельные собранные предметы в систематически составленные коллекции. Библиотеке Иннокентий Михайлович подарил много дорогих книг, альбомов и две картины. В 1885 году он получил звание почетного члена комитета Минусинского публичного музея и библиотеки. Когда начался сбор средств для строительства специального здания для музея, И.М. Сибиряков сделал самое крупное пожертвование — 9 тысяч рублей, причем, ознакомившись с проектом, просил увеличить зал для народных чтений. Торжественное открытие музея в новом здании состоялось 20 мая 1890 года.

В 1900 году на Всемирной выставке в Париже Минусинский музей получил серебряную медаль. «В Европе нет ни одного ученого, ни одного учреждения, кому бы не был известен этот музей», — писала газета «Восточное обозрение» (3). Посылки с коллекциями и различными предметами от-

Минусинский музей

правлялись из музея в Красноярск, Енисейск, Петербург, Париж, Стокгольм и Гельсингфорс, Падую, Вену.

Барнауле шество попечения о образованачальном нии возникло в 1884 году. По инициативе и частично на средства И.М. Сибирякова общество организовало в 1885 году народношкольную бесплатную библиотеку. В была открыта городская общественная библиотека: для он пожертвовал нее 1 800 рублей на покупку книг и оборудования. В 1890 году появилась необходимость построить для общества собственное здание. Единственным

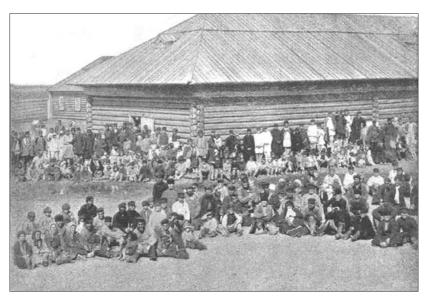
источником средств была частная благотворительность. На призыв общества первым откликнулся И.М. Сибиряков, пожертвовав для этой цели 5 тысяч рублей. Народный дом был построен в 1898–1900 годах. В нем размещались библиотеки, книжный склад, музей и зал для народных чтений, концертов, спектаклей.

Томскому университету Сибиряков пожертвовал капитал для учреждения стипендии имени А.М. Кладищевой, своей сестры, умершей совсем молодой. К моменту открытия университета в 1888 году этот капитал составил 6 570 рублей; на проценты с него должна была выплачиваться стипендия в размере 300 рублей.

Немало сделал Иннокентий Михайлович и для родного Иркутска. Городской библиотеке он подарил собрание книг сибирского историка, публициста и общественного деятеля С.С. Шашкова, приобретенное у его вдовы. Собрание вклю-

чало 298 томов (160 названий) на русском, английском, немецком и французском языках. Это были книги по истории литературы и цивилизации, общей и русской истории, по юридическим вопросам. Не мог он остаться в стороне и от нужд Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ВСОИРГО), членом которого был с 1889 года. Когда здание музея ВСОИРГО, построенное в 1883 году взамен сгоревшего во время небывалого пожара 1879 года, стало недостаточным для его коллекций и библиотеки, к нему была сделана пристройка из двух залов (1891). Средства на один из них дал Иннокентий Михайлович, и этот зал получил название Сибиряковского. В нем размещались коллекции палеонтологические и доисторической археологии. Еще одно здание, в строительстве которого участвовал И.М. Сибиряков, — это театр, и сейчас украшающий Иркутск. Предыдущее, деревянное здание театра, построенное на средства компаньонов-золотопромышленников А.Я. Немчинова, М.А. Сибирякова и И.И. Базанова, сгорело в 1890 году. Строительство нового каменного здания по проекту петербургского архитектора В.А. Шрётера потребовало больших средств. Наиболее крупные пожертвования — по 30 тысяч рублей — сделали И.М. Сибиряков и Я.А. Немчинов.

Большую роль сыграл Иннокентий Михайлович в издании книг, прежде всего посвященных Сибири, ее истории и современному положению, населяющим ее народам. В некрологах о нем писали: «Ни один из сибирских жертвователей не тратил столько средств на сибирские издания, как И. М.» (4); «Более 600 тыс. руб. им было употреблено на поддержку тех не приносящих доходов изданий, которые имеют крупное научное или общественное значение, но не могут рассчитывать на широкое распространение в публике» (2). Книги, которые он издал на свои средства, в большинстве своем вряд ли увидели бы свет без его помощи: «Сибирская библиография... за весь период книгопечатания» В.И. Межова в трех томах (СПб., 1891-1892) и его же «Русская историческая библиография... за 1800-1854 вкл.» в трех томах (СПб., 1892-1893), «Библиографический указатель... по вопросу о золотопромышленности Сибири» Д.М. Головачева (СПб., 1890), «Сибирские инородцы, их быт и современное положение» Н.М. Ядринцева (СПб., 1891) и его же «Сибирь как колония...» (2-е издание, переработанное и почти вдвое расширенное. СПб., 1892), «Историческое обозрение Сибири» П.А. Словцова в двух томах (2-е издание, СПб., 1886),

Переселенцы в тюменских бараках

«Верхоянский сборник. Якутские сказки, песни, загадки...», записанные И.А. Худяковым (Иркутск, 1890), «Словарь якутского языка» Э.К. Пекарского (Якутск, 1899); участвовал он и в издании сборника работ первого бурятского ученого Доржи Банзарова «Черная вера» (СПб., 1891). Необходимо также упомянуть сборник стихотворений «Сибирские мотивы», изданный им в 1886 году в пользу семьи поэта, писателя и переводчика И.В. Фёдорова-Омулевского, умершего в бедности.

Особо следует сказать о книгах, посвященных положению рабочих на золотых приисках Сибири. Иннокентий Михайлович не забывал о том, чьим трудом было добыто состояние рода Сибиряковых. В 1888 году он издал книги: «Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге» А.А. Уманьского, «Паутина. Рассказ из жизни приискового люда в Сибири» Н.И. Наумова, сборник «Сибирские рассказы из жизни приискового люда». В письме к Г.И. Успенскому Сибиряков объясняет свое решение издать эти книги тем, что вопрос о положении приисковых рабочих «почти не затронут в нашей литературе», и просит его содействия «относительно критического отзыва об этих изданиях для того, чтобы они не ускользнули от внимания публики» (1).

В Петербурге Иннокентий Михайлович активно участвовал в работе благотворительных обществ, помогавших сибирякам и переселенцам в Сибирь. В 1884 году было создано Общество содействия учащимся в Санкт-Петербурге сибирякам. Уже через год оно насчитывало около 300 членов из 36 городов, больше всего — из Петербурга и городов Сибири: Иркутска, Владивостока, Красноярска, Омска. Все Сибиряковы входили в это общество. В течение ряда лет Иннокентий Михайлович был членом распорядительного комитета в должности казначея; за десятилетие он пожертвовал обществу около 10 тысяч рублей. В 1890 году он был избран почетным членом «за неустанную поддержку и помощь Обществу» (7, с. 19).

И.М. Сибиряков был также членом двух обществ, находившихся в Иркутске, — Общества для оказания пособий учащимся в Восточной Сибири и Иркутского благотворительного общества.

Общество для вспомоществования нуждающимся переселенцам было создано в Петербурге в 1890 году. В числе его учредителей были Иннокентий Михайлович Сибиряков и его брат Константин Михайлович, в числе почетных членов — их сестра Анна Михайловна. В 1892 году из-за голода и эпидемий в центральных областях России значительно увеличился поток переселенцев в Сибирь, который шел главным образом через Тюмень. К маю там на переселенческой станции скопилось 17 тысяч человек. Бараки были переполнены, число людей в них в шесть или семь раз превосходило число мест. На средства А.М. и И.М. Сибиряковых на станции были отремонтированы старые и построены новые бараки и баня. На пожертвования Сибирякова, Игнатьева и других была устроена столовая, в которой кормилось от 300 до 800 человек. Для оказания медицинской помощи переселенцам прибыл из Петербурга отряд студентов-медиков под руководством Н.М. Ядринцева, снаряженный на средства И.М. и А.М. Сибиряковых.

В своей широкой благотворительной деятельности Иннокентий Михайлович не только поддерживал существовавшие библиотеки, музеи, общества, но и сам был зачинателем ряда важных дел. По его инициативе и на его средства было проведено первое в России крупное исследование положения рабочих на золотых приисках. С предложением осуще-ствить эту работу он обратился к историку В.И. Семевскому, лекции которого слушал в университете и у него дома. «Характеризуя душевный склад Сибирякова, — писал Г.Н. Потанин, — Семевский отмечал его совестливое отно-

Участники Сибиряковской экспедиции. 1895 г.

шение к той части народной массы, труду которой Сибиряков считал себя обязанным своим благосостоянием» (8, с. 225). Это предложение ученый получил еще в 1885 году, но приступить к работе смог только в 1888-м. Сначала в Петербурге Семевский знакомился с литературой и работал в архивах, а в 1891 году проехал от Томска до Бодайбо, изучал местные архивы, осматривал прииски и заводы, спускался в шахты. Результатом стал двухтомный труд «Рабочие на сибирских золотых промыслах», изданный И.М. Сибиряковым в 1898 году; за него В.И. Семевский получил Самаринскую премию. Но этим Иннокентий Михайлович не ограничился: он пожертвовал капитал в 420 тысяч рублей имени своего отца М.А. Сибирякова для выдачи пособий рабочим, получившим увечья на приисках Якутской области, и семьям, потерявшим кормильцев на золотых промыслах. Положение о капитале было утверждено 15 марта 1894 года.

В 1894–1896 годах по предложению и на средства И.М. Сибирякова состоялась крупная научная экспедиция по изучению народов, населяющих Якутию. Иннокентия Михайловича интересовало в первую очередь, вымирает или, на-

оборот, возрастает туземное население возле его рудников и какое влияние на него оказывает развивающаяся золотопромышленность. Организатором этой экспедиции, получившей название Сибиряковской, стал Д.А. Клеменц; научными сотрудниками были в основном политические ссыльные. В ее состав входили также несколько чиновников администрации Якутска, два священника, ветеринар и ряд представителей зарождающейся местной интеллигенции.

Участниками экспедиции были собраны обширные материалы. Программа издания этих трудов включала в себя тринадцать томов, содержащих работы восемнадцати авторов. Отдельные работы были изданы Восточно-Сибирским отделом ИРГО, некоторые напечатаны в различных изданиях; ряд трудов Якутской экспедиции издавались Академией наук с 1900 по 1930 год, при этом в названии сохранялись слова: «снаряженной на средства И.М. Сибирякова».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1. Отдел рукописей Института русской литературы РАН (Пушкинский дом), ф. 313, оп. 3, д. 289.
 - 2. Вестник книгопродавцев. 1901. № 4.
 - 3. Восточное обозрение. 1904. № 28.
- 4. Г. П. Иннокентий Михайлович Сибиряков // Восточное обозрение. 1901. 1 дек.
- 5. Обручев В.А. Программа издания трудов Якутской экспедиции, снаряженной на средства И.М. Сибирякова. Иркутск, 1897.
- 6. Общество попечения о начальном образовании в Томске: Отчет за 1884 год. Томск, 1885.
- 7. Общество содействия учащимся в С.-Петербурге сибирякам: Отчет за 1889–1890 гг. СПб., 1890.
- 8. Потанин Г.Н. Памяти Василия Ивановича Семевского // Голос минувшего. 1917. № 1.
- 9. Сибиряковская экспедиция // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1955. Т. 38.

«ВОЗЛЮБИВШИЕ БЛАГОЛЕПИЕ ДОМУ ТВОЕГО...» РОЛЬ КУПЦОВ СИБИРЯКОВЫХ В ХРАМОЗДАТЕЛЬСТВЕ ИРКУТСКОЙ ЕПАРХИИ

Наталья Юрьевна Шевченко, историк, сотрудник Благотворительного фонда имени Иннокентия Сибирякова, г. Иркутск

Из Архангельской губернии с торговыми караванами не раз проходили крестьяне Иркутский край — богатый лесом и пушниной, близкий к Китаю, торговый, обещавший многие богатства. Афанасий Сибиряков, увидев, какие деньги можно

здесь заработать, приплыл с шестью сыновьями под стены Посольского монастыря и вскоре начал заниматься перевозкой людей и грузов по Байкалу. Так началась история славного и знаменитого купеческого рода Сибиряковых.

Разбогатев, Сибиряковы переселились в Иркутск — в самый центр города — и стали заниматься торговлей, не оставляя при этом «морских» — байкальских промыслов.

В истории каждого купеческого рода есть свои темные страницы — нередко огромные состояния наживались нечестными, а порой и откровенно хищническими путями. Потомки купцов, помня об этом, часто жертвовали на нужды храмов и монастырей, чтобы богоугодными делами оставить о своих отцах добрую память.

Сибиряковы — известные в Иркутске благотворители. Их стараниями и капиталами выстроены были и городской театр, и богадельня, которую так и называли — Сибиряковской, и один из залов музея Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Но вряд ли есть еще такой род, который построил в Иркутской епархии пять церквей и несколько часовен.

Удивительна история храмоздательства в этом роду: первые попытки его терпели сокрушительную неудачу, но желание хоть в чем-то угодить Богу и послужить людям было сильнее внешних обстоятельств. Теперь, спустя века, мы можем видеть церкви, которые тоже можно назвать «сибиряковскими». Мы хорошо их знаем: это Казанская церковь в

предместье Рабочем, церковь во имя Святителя Николая в поселке Листвянка, Входо-Иерусалимская церковь при входе в ЦПКиО (бывшее Иерусалимское кладбище).

Источники называют нам строителя первой в Иркутске каменной церкви — это Михаил Васильевич Сибиряков, внук Афанасия Сибирякова. Он развернул свои торговые и промысловые дела по всей Сибири и Алтаю, породнился и объединил дела с богатым купеческим родом Мыльниковых и таким образом стал влиятельнейшей фигурой города. После учреждения «градской» думы Михаил Васильевич становится первым городским головой.

В ведении думы находились дела по благоустройству города: мощение улиц, постройка и содержание общественных заведений. Поэтому, когда до Иркутска дошел «Указ сената об учреждении во всех городах кладбищ» от 23 мая 1772 года, Михаил Сибиряков как глава городского самоуправления начал постройку церкви и кладбища недалеко от Крестовоздвиженской церкви за жилой чертой города.

Церковь была построена на деньги «доброхотных дателей», первым из которых был сам Михаил Васильевич. На ее постройку было издержано 4 262 рубля 28 ¾ копейки. Много сэкономили на рабочей силе: в расчистке и ограждении кладбищенской территории участвовали «колодники», работа

Иркутская Входо-Иерусалимская церковь. Фото из редкого фонда Научной библиотеки Иркутского госуниверситета

которых обошлась всего в 28 рублей 70 копеек «на пищу хлеба».

Постройку начали в 1793 году, а через два года уже освятили готовый храм — одноэтажный, с одним престолом во имя Входа Господа нашего Иисуса Христа во Иерусалим.

Но такие темпы строительства печально отразились на результатах: всего через 21 год благочинный иркутских церквей отец Феодор Сухих рапортовал в духовную консисторию о «ветхости означенной церкви».

За короткий срок в здании церкви прохудилась крыша, по стенам пошли трещины, печки перестали топиться, угрожая пожаром, а из-за плохо пригнанных окон по храму гулял сквозняк. «Поелику сооружена она была сперва нехозяйственным смотрением... — рапортовал приходский священнослужитель Иоанн Митягин, — в мерах по составлению прочности церкви... никакого успеха надеяться не можно» (2, л. 4). После освидетельствования стало понятно, что ремонту здание церкви действительно не подлежит, а так как оно находилось в ведении городской думы, то меры по исправлению «всему городу известного безобразия» кладбищенской церкви должны были принять именно думские заседатели.

Михаил Васильевич к тому времени уже умер и все дела перешли к его сыну — Ксенофонту Сибирякову. Как и его отец, Ксенофонт Михайлович состоял в городской думе, и именно ему пришлось исправлять ошибки, допущенные прежним городским головой. В 1820 году под руководством К.М. Сибирякова на средства, собранные среди горожан, начинается строительство нового храма на северном склоне Иерусалимского кладбища.

Неудача и здесь сопутствовала сибиряковскому строительству: у новой, уже почти готовой церкви обрушился купол, по всему зданию пошли трещины, и на исправление ошибок ушло еще двенадцать лет.

Наконец, в 1835 году храм был готов, его освятил архимандрит Вознесенского монастыря Никодим.

Так и получилось, что на территории кладбища встали две каменные одноэтажные церкви, обе во имя Входа Господня во Иерусалим. Старую церковь разобрали только через тридцать лет, при общем сожалении горожан: по их мнению, «при небольшом ремонте она могла простоять еще долго, представляя собой образец постройки XVIII века» (12, с. 216).

Имя Ксенофонта Михайловича связывают больше не с этим храмом, а с церковью Святителя Николая Чудотворца— этот

деревянный милый храм стоит в Крестовском распадке поселка Листвянка рядом с речкой среди темно-зеленых сосен. Каждому туристу рассказывают легенду его появления: купец, терпевший кораблекрушение на Байкале, слезно взмолился святителю Николаю и буря, ломавшая корабль, отступила. На месте чудесного спасения купец выстроил небольшую часовню во имя Святителя и дал обет построить храм. Этим купцом был Ксенофонт Михайлович Сибиряков.

До постройки храма он не дожил, скончавшись от скоротечной чахотки, и строительство продолжила его жена, Наталья Дмитриевна Сибирякова, урожденная Мыльникова. Ксенофонту очень хотелось построить большой каменный храм, но ничего не вышло: сырость воздуха не давала сохнуть кирпичам и раствору и строение вновь выходило непрочным. Каменную кладку разобрали, и срубили на этом месте деревянный храм, сделав его внешне очень похожим на каменный.

И опять в одном месте — в деревне Никола в устье Ангары — встали два одноименных храма. Еще в XVII веке на пристани была выстроена часовня, а потом вместо нее — маленький

Никольская церковь в поселке Листвянка. Фото Н. Шевченко, 2006 г.

храм во имя покровителя всех моряков — Николая Чудотворца. Жителям деревни было жаль старый храм. Рядом, в пяти верстах от деревни на берегу Байкала, раскинулась пристань Лиственичная. Туда и был перенесен большой храм Николая Чудотворца — храм с красивой историей небесного заступничества за погибающего купца Сибирякова.

Известно, что после этого случая характер ранее грозного Ксенофонта переменился: он стал, что называется, ревностным христианином, даже вступил в миссионерское общество перевода Библии на местные языки, участвуя там не столько образованностью, сколько капиталом.

Среди наследников Ксенофонта Михайловича не нашлось никого, кто бы мог с успехом продолжить дела. Часто случалось, что купеческие роды из-за этого прерывались. Но сибиряковскому роду не суждено было угаснуть — преемником Ксенофонта стал его племянник и крестник Михаил Александрович Сибиряков.

Сначала партия «2-й Иркутской гильдии купца» Сибирякова в конце 40-х годов XIX века обнаруживает и начинает добывать на речке Хомолхо золото. Через десяток лет золотоносные жилы на реке Лене также станут приисками Сибирякова и К°. Этот момент перевернул страницу в истории промышленного освоения Сибири.

Золотые прииски постепенно стали местом алчного обогащения, приказчиков, бандитов, контрабандистов, спиртоношей. Сами хозяева играли в этом немалую роль — от их политики зависела обстановка на прииске. Сибиряковские прииски были местом сравнительно гуманного отношения к рабочим — на них не так часто возникали волнения. Для покалечившихся в шахтах рабочих был устроен приют, мест в нем не хватало на всех, но на других приисках не было и этого.

На принадлежавшем Сибирякову и К° Благовещенском прииске — центральном, «громадном и сравнительно нарядном» была построена для рабочих и служащих деревянная церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. «Сравнительно обширная и богатая по обстановке церковь» с колокольней была посещаема в праздничные, свободные от работы дни большим количеством прихожан. Церковь на прииске была нравственным средством удержания рабочих от повального пьянства — на этот порок паствы жаловался в начале XX века приходский священник. Точная дата постройки церкви неизвестна, но если учесть, что прииск существовал с середины 1860-х годов, то, скорее всего, она была построена на деньги первых хозяев — М.А. Сибирякова, И.И. Базанова и Я.А. Немчинова. Золотодобывающая промышленность сделала Иркутск местом жизни купцов-миллионеров. Театр, дорогие магазины, библиотека, больницы — все было здесь по последнему слову моды и техники. Общественные заведения чаще всего создавались на деньги этих купцов. Вот и Михаил Сибиряков, купец 1-й гильдии, почетный гражданин, не раз выбиравшийся городским головой, не желая отставать от других купцовблаготворителей, покупает двухэтажное здание в центре города и заводит там приют для бедных — Сибиряковскую богадельню. Для христианского окормления немощных, порой не способных даже двигаться людей при приюте была устроена церковь во имя Михаила Клопского, новгородского чудотворца.

Церковь постигла печальная участь: через пять лет после освящения она сгорела в памятном иркутском пожаре 1878 года. Сыновья М.А. Сибирякова — Александр, Константин и Иннокентий — взялись за восстановление отцовской богадельни, не жалея денег на материалы и отделку. Маленькая домовая церковь была вновь освящена в 1883 году.

Сибиряковы позаботились не только об убранстве богадельни и церкви: во дворе был выстроен дом для священ-

Благовещенская церковь на прииске Благовещенском. Фото из книги И.В. Калининой «Православные храмы Иркутской епархии» (М., 2000)

Иркутская Казанская церковь. Фото из редкого фонда Научной библиотеки Иркутского госуниверситета

ника «со всеми нужными службами... который для помещения в нем был вполне удобен». В банк на содержание священника и псаломщика было положено 13 тысяч рублей четырехпроцентными облигациями Восточного займа. Ha содержание церкви Иннокентий Михайлович положил под проценты еще 10 тысяч рублей. К концу века в числе прихожан маленькой церквушки было около сотни человек.

В 1885 году силами Александра Сибирякова в Иркутске затевается грандиозное строительство новой церкви в Ремесленной слободе. Нужда в ней давно назрела — жители слободы из-за нехватки церквей в округе вынуждены были окормляться в

Борисо-Глебской тюремной церкви. Но тюремный распорядок зачастую мешал службам, и в воскресные дни и праздники прихожане нередко оказывались перед закрытыми воротами.

Александр Михайлович пожертвовал землю, занятую на тот момент казенными хлебными складами. Городские власти почему-то воспротивились их переносу, и только вмешательство иркутского предстоятеля преосвященного Вениамина спасло начинавшееся благое дело от погубления. На имя Александра Сибирякова и Дмитрия Демидова были выданы две книги для сбора пожертвований, 27 июня 1885 года иркутским иерархом в сослужении четырех архипастырей — томского, камчатского, енисейского, таврического — и двух викариев Иркутской епархии была произведена торжественная закладка основания храма.

Деньги на строительство поступали со всех сторон, богатые горожане — А. К. Трапезников, В.А. Литвинцев, И.С. Тельных, И.Г. Громов, жертвовали большие суммы — по

три-пять тысяч рублей. Жители слободы несли от «трудов праведных» — каждый старался вложить «некую малую лепту» в новый храм. К июню 1891 года на постройку было израсходовано 28 300 рублей.

Стены и своды храма были сооружены за три года — пришла пора внутренней отделки и росписи новой церкви. Расписывать храм поручили талантливому иркутскому художнику Максиму Зязину — выпускнику санкт-петербургской Академии художеств. В 1860-х годах М.И. Зязин расписывал Вознесенский собор — самый роскошный храм епархии, где хранились мощи святителя Иннокентия. Сюжет «Евангелисты», использованный при росписи собора, был повторен на парусах главного купола новой церкви. Сцены двунадесятых праздников — Рождества Христова и Введения во храм Пресвятой Богородицы — украсили стены по бокам от царских врат.

Иконостасы всех трех приделов подрядился выполнить за два года цеховой мастер Владимир Федорович Коротаев. Примечательно, что иконостас второй Входо-Иерусалимской церкви был вырезан цеховым Дмитрием Коротаевым, о чем свидетельствует контракт № 302 в маклерской книге городской думы от 3 августа 1831 года. Прямого родства между ними нет, но несомненно, что оба не просто однофамильцы, а представители одной иркутской династии резчиков Коротаевых.

К апрелю 1892 года церковь была готова к освящению. Все в ней было очень красиво: в окна вставили цветные стекла, наружные двери покрыли железом, а внутренние — выстеклили. Для обогрева помещения построили девять печей.

Иконостас и клиросы были выкрашены карминным цветом и покрыты изящной золоченой резьбой. Иконостас главного придела был четырехставный, то есть иконы в нем располагались в четыре ряда один над другим, иконостасы в боковых приделах — трехставные. В главном алтаре на горнем месте была воздвигнута икона Воскресения Христова в большом золоченом киоте московской работы.

Освящение храма было назначено на Светлый четверг Пасхальной седмицы. Архиепископ Вениамин, при котором возводился храм, не дожил до этого торжественного события всего двух с небольшим месяцев. 9 апреля 1892 года священнодействовали епископ Селенгинский Макарий и епископ Киренский Агафангел. Ими в сослужении протоиереев и священников за поздней литургией был торжественно освящен главный престол во имя Иконы Казанской Божией Матери.

Боковой правый придел во имя Николая Чудотворца —

Интерьер Иркутской Казанской церкви в ходе реставрационных работ. Фото А. Потаповой, 2006 г.

первоначально задумывалось построить храм в его честь — был освящен за ранней литургией, левый — во имя Св. Иннокентия Иркутского и великомученика и целителя Пантелеймона — неделей позже.

Пока строился величественный храм Казанской Божией Матери, на средства Александра Сибирякова в 1891 году в центре города была построена часовня во имя другого ее образа — Иверского.

Последнее, что построили Сибиряковы в Иркутской епархии, был храм во имя Св. Иннокентия в селе Омолой Верхоленского уезда. Жителям села до ближайшей церкви нужно было добираться 73

версты, а сообщение по уездным дорогам «во всякое время года трудное». В 1896 году в селе была вчерне построена, а в 1904 году освящена деревянная церковь с одним престолом и колокольней наверху, на строительство которой И.М. Сибиряков пожертвовал 10 тысяч рублей.

Храмовую утварь и ризы приобрело для омолойской церкви санкт-петербургское Братство во имя святителя Иннокентия, учредителем и почетным членом которого был Иннокентий Сибиряков.

Окончился XIX век — век благотворителей и меценатов, окончился род Сибиряковых — в официальных бумагах пока не найдено сведений ни об одном из прямых наследников, окончились их богатства — щедрая благотворительность и ухудшение дел на приисках постепенно привели род к разорению. Но не окончилась людская благодарность. Вновь тянутся к небу золотые кресты на куполах «сибиряковских» церквей, и вновь возглашаются в них молитвы «за благоус-

троителей и благоукрасителей святаго храма сего». То, что сделано с любовью к Богу и людям, не забывается и не исчезает. Оно живет как память о славном купеческом роде — роде Сибиряковых.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1. Входо-Иерусалимская церковь: Историческая справка к паспорту / Сост. Р.А. Андреева. Архив ЦСН, № 91.
- 2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 50 (Иркутская духовная консистория), оп. 1, д. 2178, 11354, 12070, 12235.
- 3. ГАИО, ф. 748 (Прибрежно-Витимская компания), историческая справка описи.
- 4. Душкин Ю.С. «От корабельного морского ходу...» // Сибирь. 1998. № 1.
- 5. Епархиальное известие // Иркутские епархиальные ведомости. 1892. № 16. Прибавления.
- 6. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / Сост. Ю.П. Колмаков. Иркутск, 2003.
- 7. Калинина И.В. Православные храмы Иркутской епархии. XVII— начало XX века.— М., 2000.
- 8. Летопись г. Иркутска, составленная любителем церковных древностей Василием Алексеевичем Кротовым // Сибирь. 1992. № 2.
- 9. Освящение основания храма в Ремесленной слободе // Иркутские епархиальные ведомости. 1885. № 35.
- 10. Отчет о выполнении научно-исследовательских работ в интерьерах Казанской церкви г. Иркутска, памятника архитектуры XIX века. 1989 г. Министерство культуры РСФСР, объединение «Росреставрация».
- 11. Поездка Его Преосвященства Преосвященного Макария, епископа Якутского и Вилюйского вверх по р.р. Лене и Витиму для обозрения приленских и приисковых церквей. Якутск, 1905.
- 12. Романов Н.С. Иркутская летопись 1857–1880 г. Иркутск, 1914.
- 13. Слово в день перенесения иконы Иверской Божией Матери во вновь устроенную часовню // Иркутские епархиальные ведомости. 1896. \mathbb{N}^{2} 3. Прибавления.
- 14. Шарапов И.П. Очерки по истории Ленских золотых приисков. Иркутск, 1949.
- 15. Шорохова Т.С. Благотворитель Иннокентий Сибиряков. СПб., 2005.

ПРОПОВЕДНИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИРКУТСКОГО ДУХОВЕНСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Ирина Александровна Погодаева, зав. отделом историко-культурного наследия Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки имени И.И. Молчанова-Сибирского

Проповедь — христианское церковное наставление, произносимое, как правило, в храме и содержащее разъяснение положений вероучения, комментарии к Священно-

му Писанию, рекомендации к соответствующему поведению и действиям.

Согласно общехристианским церковным правилам (постановления II Вселенского собора, правила св. апостолов) проповедничество является одной из главнейших обязанностей пастыря. Несмотря на это, в русском обществе до Петра I было распространено негативное отношение к проповеди в храме. В Московской Руси православные священники не произносили проповедей, ограничиваясь чтением отрывков из Священного Писания. Швед Г. Седерберг, находившийся в плену в России, был поражен тем, что в русском обществе преобладает отрицательное отношение к проповеди. Русские, писал он, «находят, что храм Божий оскверняется проповедниками, которые, когда они, увлекаясь страстью, говорят все, что им приходит на ум, подымают вопросы и споры, вводят новости и, таким образом, причиняют своим слушателям более горя и вреда, чем приносят пользы» (10, с. 189).

Петр I и его преемники старались привить в России европейскую форму проповеди. «Инструкция благочинным» объявляла проповедничество обязанностью каждого пастыря, высшее духовное начальство периодически напоминало об этом специальными указами.

Во второй половине XIX века архиереи, стоявшие во главе Иркутской епархии, уделяли большое внимание проповеди, которая, по их мнению, вместе с регулярной исповедью

являлась оружием в борьбе за народную нравственность. Архиепископ Парфений (Попов) в 1861 году издал специальный указ о проповеди, распространенный по всем приходам епархии. В указе приходским священникам предписывалось во все праздничные и воскресные дни произносить за богослужениями проповеди, по возможности не взятые в готовом виде из специальных изданий, а собственного сочинения. Проповеди следовало читать при любом, даже самом малом количестве слушателей. В указе приводился список из 34 наименований книг духовного содержания, которые нужно было приобрести для церковных библиотек и которые могли облегчить проповедникам выбор тем для поучений и само составление проповедей.

Также Парфений предлагал проповедникам расширить сферу своей деятельности, включив в нее посещения домов прихожан, собрания всех жителей прихода в воскресные и праздничные

дни для чтения духовных книг и ведения благочестивых бесед и т. п.

Произнесение проповедей в храме контролировалось благочинными через записи в богослужебных журналах, в которых отмечались все церковные службы, требы и т. п. (На страницах богослужебных журналов можно встретить отметки благочинных, проверявших работу приходского священника: «Рекомендую произносить за Богослужениями чаще проповеди» /2, д. 38, л. 63 об./; «Проповеди вменено в непременную обязанность произносить во все Воскресные и Праздничные дни, но из этого журнала не

Архиепископ Парфений (Петр Тихонович Попов), глава Иркутской епархии с 1860 по 1873 г.

Архиепископ Вениамин (Василий Антонович Благонравов) (1825–1892)

видно исполнения такого обязательства: если оне не были произносимы или были сказываемы редко, то надпоминаю говорить их неопустительно во все дни воскресные и праздничные; если были произносимы и не означено о произношении ИΧ в журнале, то рекомендую каждый раз заносить журнал их произношение» /2, д. 38, л. 33 об./). Также контроля со ДЛЯ стороны духовных властей и облегчения труда проповедника предписывалось вести дневники прочитанных наставлений.

Епископ Вениамин (Благонравов), в 1873 году сменивший Парфения на посту главы епархии, был горячим сторонником регулярного произнесения проповедей. Сам хороший проповедник, он говорил поучения при каждом удобном случае. По воспоминаниям современников, во время поездок по епархии «при совершении каждого богослужения во всех церквах Архипастырь говорил народу импровизированные поучения, применительно к нуждам каждого прихода, которые он узнавал от приходских священников. В некоторых церквах заставлял говорить поучения и священников, после которых говорил сам» (8, с. 109). В Иркутске преосвященный Вениамин в воскресные и праздничные дни проводил службу и проповедовал в кафедральном соборе. Также поучения и речи владыки можно было услышать в других городских

церквах, куда архиерея приглашали по случаю каких-либо знаменательных событий (храмовый праздник, закладка или освящение церкви, придела, приходской школы и т. п.).

Подобный личный пример главы епархии позволял священникам приобретать необходимый опыт проповедничества, заставлял их активнее трудиться на этом поприще. Архиепископ Вениамин постоянно при всех встречах с духовенством напоминал о необходимости активного проповедничества. По мнению архипастыря, поучение «должно предлагаться в виде простой устной беседы, с любовью, как слова отца к детям, без резких выражений, без указаний на лица и без укоров» (7, с. 571). Но вместе с тем поучение не должно быть оторвано от проблем и нужд прихода. Проповедь должна сдержан-

но, но твердо указывать прихожанам на какие-либо недостатки, пороки, проступки и рекомендовать соответствующие действия и поведение. Обязательными условиями успешной проповеди, по мнению Вениамина, были ее простота и удобопонятность.

Самым желательным для священника-проповедника было самостоятельно сочинить поучение (а еще лучше — произнести проповедь экспромтом), если для этого священнику недоставало писательских ораторских талантов, то он мог прибегнуть к помощи специальных книг и периодических изданий, взяв оттуда готовую проповедь и приспособив ее к местным нуждам и осохрамов иркутских были журналы «Руководство для

поведь и приспособив ее к местным нуждам и особенностям. В библиотеках иркутских храмов были журналы «Руководство для к местным нуждам и особенностям. В библиотеках иркутских храмов были журналы «Руководство для (Иркутск, 1873)

Архиепископ Тихон (Михаил Михайлович Данебин-Троицкий) (1831–1911)

сельских пастырей», «Православный беседник», «Христианское чтение», «Дух христианина» и др. Во второй половине XIX века были выпущены отдельными изданиями проповеди. написанные известными деятелями сибирской церкви: святителем Иннокентием Иркутским, Иннокентием Вениаминовым, митрополитом Московским, а также некоторыми представителями иркутского венства. «Иркутские епархиальные ведомости» регулярно публиковали на своих страницах поучения, проповеди, слова и речи сибирроссийских СКИХ И

священнослужителей XVIII и XIX веков.

Разновидностью церковной проповеди были катехизические поучения — насколько возможно упрощенные и общепонятные объяснения основ христианского вероучения (краткая церковная история, заповеди, символ веры и т. д.), произносимые для присутствующих в церкви прихожан. Подобные поучения составлялись и произносились всеми приходскими священниками, но существовали и официально назначаемые властями катехизаторы. В Иркутске такие поучения произносились по праздникам и воскресным дням в кафедральном соборе. Официальными катехизаторами назначались некоторые из священников иркутских и пригородных церквей. Они должны были в установленный срок представить составленные ими проповеди на рецензию преосвященному или

кому-либо из назначенных им цензоров (так же должны были поступить и те приходские священники, которые произносили катехизические поучения в своих приходских церквах). Цензоры читали поучения и высказывали свое мнение об их достоинствах и недостатках. Например, цензор отец Митрофан Спасокукоцкий так выразил свое мнение об одиннадцати проповедях отца Пляскина: «Все поучения согласны учению православной церкви. В проповеднике видна заботливость о систематическом изложении Евангельского учения о блаженствах; только эта погоня за системой отвлекла его от самого существенного в народной проповеди: общедоступности и общепонятности...» (1, д. 10454, л. 5–5 об.).

После рецензирования поучения возвращались их авторам, и если не возникало никаких сложностей и противоречий установленным правилам, то поучения произносились в храме или соборе. Но вследствие того что некоторые катехизаторы не представили на рецензию свои поучения (и, соответственно, не произнесли их перед слушателями), епископ Вениамин издал в 1876 году указ, по которому консистории предлагалось «взыскать со всех не представивших проповедей по 3 рубля за проповедь в пользу Попечительства о бедных духовного звания» (1, д. 8685, л. 1–1 об.). Многие из попавших в «черный список» священников имели уважительные причины, по которым не смогли исполнить возложенную на них обязанность (болезнь, срочные дела в приходе), и были освобождены от наказания, но были и те, с кого консистория взыскала положенный штраф.

Установленные архиепископом Вениамином правила рецензирования катехизических поучений и штрафов за их нарушения продолжали существовать и при его преемнике архиепископе Тихоне (Данебин-Троицкий, глава епархии с 1892 по 1911 г.).

Определить по имеющимся в нашем распоряжении документам степень воздействия проповеди на прихожан довольно сложно. Сама по себе, не подкрепленная никакими другими действиями священника, проповедь вряд ли могла кардинально улучшить народную нравственность. Здесь нужен был комплексный подход, включающий в себя наряду с проповедью внебогослужебные собеседования, воздействие на подрастающее поколение через церковно-приходские школы, активную позицию духовенства и хотя бы части прихожан. К сожалению, подобное сочетание вышеперечисленных факторов встречалось довольно редко, а для его создания требо-

валась глубокая и серьезная работа, для которой не у всего иркутского духовенства находились силы и средства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 50 (Иркутская духовная консистория), оп. 1, д. 8685, 10454.
- 2. ГАИО, ф. 266 (Иркутская Спасо-Преображенская церковь), оп. 2, д. 32, 38.
- 3. ГАИО, ф. 587 (Благочинный иркутских городских церквей), оп. 1, д. 87, 205.
- 4. Вениаминов И., протоиерей. Указание пути в царствие небесное: Беседа из поучений к новопросвещ. христианам протоиерея Иоанна Вениаминова, что ныне преосвященный Иннокентий, епископ Камчатский, Курильский и Алеутский. М., 1856.
- 5. Виноградов А.А. Слово в день освящения нового Кафедрального собора в Иркутске [25 янв. 1894 г.]. [Иркутск], [1894].
- 6. Громов П. Слова и речи, произнесенные в Камчатской и Иркутской епархиях протоиереем П. Громовым. СПб., 1857.
- 7. Иркутские епархиальные ведомости. 1873. № 35. Прибавления.
- 8. Литвинцев Ф. Краткий очерк 14-летнего управления Высокопреосвященного Вениамина Иркутскою епархией // Двадцатипятилетие епископского служения Высокопреосвященного Вениамина, архиепископа Иркутского и Нерчинского. Иркутск, 1888.
- 9. Модест, архимандрит. О проповедничестве св. Иннокентия, первого Иркутского епископа и чудотворца: Исследование ректора Иркутской дух. семинарии, архимандрита Модеста, с присовокуплением поучений и слов, известных с именем Св. Иннокентия. — Иркутск, 1873.
- 10. Семенова Л.Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII в.). М., 1998.
- 11. Шастин И. Слово и речь в день освящения Иркутского Благовещенского храма, 14 окт. 1890 г. Иркутск, [1890].

БРАТСТВО ВО ИМЯ СВЯТИТЕЛЯ ИННОКЕНТИЯ

Тамара Александровна Крючкова, заместитель директора Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» по фондовой работе, г. Иркутск

Два десятилетия в Иркутске действовало Церковное братство во имя святителя Иннокентия. Организационные работы по его созданию начались еще в 1900 году, и

в одном из номеров газеты «Иркутские епархиальные ведомости» было объявлено о создании в 1900 году Иркутского Иннокентиевского церковного братства при Иркутском кафедральном соборе. Но официально общество было оформлено только через год. 14 ноября 1901 года иркутский архиепископ Тихон утвердил устав братства, текст которого был опубликован в тех же «Иркутских епархиальных ведомостях», а 2 декабря состоялось первое организационное собрание, на котором председателем братства избран священник Иркутского Богоявленского собора Ф. Верномудров, товарищем председателя — священник В. Флоренсов.

В уставе братства была обозначена главная цель — взаимное общение его членов на почве религиозно-нравственного просвещения и распространение такового просвещения в среде местного населения. Для достижения этой цели было решено:

- учреждать библиотеки и читальни;
- открывать и поддерживать религиозно-нравственные беседы и чтения;
- содействовать изданию и распространению книг, брошюр, листков, пригодных для развития религиозно-нравственных понятий;
- заботиться о развитии вкуса к церковному пению, организуя хоры любителей, учреждая курсы церковного пения и чтения:
- собирать рисунки, планы, модели лучших образцов архитектуры, иконописи и церковной утвари, учреждать курсы иконописания:

— открывать склады церковно-богослужебных, религиознонравственных книг, рисунков, икон и снабжать ими церкви.

Во главе братства согласно уставу стоял архиепископ Иркутский и Верхоленский как покровитель и главный руководитель. Членами братства могли быть правоспособные люди обоего пола всякого звания православного вероисповедания. Члены братства подразделялись на четыре категории:

- члены действительные ими становились лица, вносившие в пользу братства не менее трех рублей ежегодно;
- члены пожизненные лица, сделавшие единовременный взнос в пользу братства не менее ста рублей;
- члены почетные лица, которые своей личной деятельностью или значительными пожертвованиями приобрели право на особую признательность и которым по постановлению общего собрания членов братства предлагалось звание почетных членов;
- члены-сотрудники лица, вносившие пожертвования в размере меньше трехрублевого ежегодного взноса.

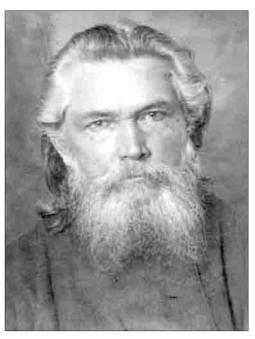
Денежные и материальные средства братства составлялись:

- из единовременных и ежегодных взносов членов братства;
 - из процентов от неприкосновенного капитала братства;
- из разных пожертвований деньгами и вещами в пользу братства.

Денежные ресурсы братства состояли из неприкосновенного капитала, к которому причислялись единовременные взносы, дававшие право на звание пожизненного члена, и все суммы, жертвуемые для постоянного обеспечения указанных жертвователями расходов, а также из расходного капитала, к которому причислялись все остальные доходы. Суммы неприкосновенного капитала должны были обращаться в государственные процентные бумаги, а расходные суммы вносились в сберегательную кассу и по мере необходимости брались для текущих расходов.

Управление делами братства осуществляло два органа: общее собрание членов и совет братства. Общие собрания подразделялись на: 1) торжественные, которые, как правило, происходили один раз в год — в день открытия братства; 2) обыкновенные, которые собирались два раза в год (в начале года — для рассмотрения отчета совета братства, и в конце года — для избрания на следующий год членов совета и утверждения приходо-расходной сметы); 3) чрезвычайные, которые созывались для решения неотложных дел. Общие

считались собрания состоявшимися, если на них присутствовало не менее четверти пребывающих в Иркутске членов братства. Совет братства состоял председателя братства (духовного лица), его товарища и шести членов, избираемых общим собранием из действительных и почетных членов. Совет братства избирался на два года. Он собирался для обсуждения дел не менее одного раза в месяц. В уставе были расписаны все обязанности членов совета и трех членов-ревизоров, избираемых ежегодно на общем собрании. Братство объеди-

Протоиерей Ф. Верномудров. 1925 г.

няло в своих рядах значительное число людей. Например, в 1907 году в нем состояло 400 действительных членов и членов-сотрудников, а также 16 пожизненных членов, среди которых кроме иркутян значились архиепископ Владивостокский Евсевий, архиепископ Томский Макарий и знаменитый протоиерей Иоанн Сергеев-Кронштадтский, прославленный в лике святых в 1990 году.

Первым председателем братства, с 1901 по 1907 год, был Федор Федорович Верномудров (1864–1938), прото-иерей Иркутского Богоявленского собора, один из самых образованных пастырей Восточной Сибири. Несмотря на большую занятость, он занимался исследованиями в области религиозной отечественной истории. В Государственном архиве Иркутской области хранится рукопись «Благотворительность в древней церкви, в средние века и в наше время», написанная им в 1910 году. Отец Федор имел большой авторитет среди мирян и духовенства: в 1902–1905 годах его выбирали представителем духовенства от Иркутской епархии в городской думе. В это же время он являлся ак-

тивным членом «Союза русского народа» и вел большую организаторскую работу в Иркутском церковном братстве имени святителя Иннокентия. Пробыв три срока председателем совета братства, Федор Федорович попросил о своем переизбрании, но вместе с женой Елизаветой Михайловной участвовал во многих делах братства, а в 1914 году возглавил отдел трезвости.

Революцию Ф. Верномудров не принял. Он не скрывал, что был и является сторонником царизма и монархии. Бог одарил его твердостью и стойкостью в защите христианской веры и Русской православной церкви. Ведя неустанную борьбу с обновленцами, несгибаемый протоиерей Федор выступал с проповедями, в которых открыто выражал свои взгляды. Талантливый проповедник, он был социально опасен для коммунистов, и его семь раз арестовывали, ссылали в концлагеря, а в феврале 1938 года расстреляли в Иркутске вместе с сыном Владимиром.

Первым казначеем братства на протяжении пяти лет был еще один известный в Восточной Сибири человек — золотопромышленник Михаил Дмитриевич Бутин (1836–1907). Уроженец Нерчинска, он руководил фирмой «Братья Бутины», имевшей столетнюю историю, и развил огромную коммерческую деятельность. Заботясь о развитии Сибири, он организовал несколько экспедиций в Китай, способствовал публикации научных трудов о Китае и Японии, за что был избран в члены Императорского Русского географического общества. Для ознакомления с горным делом и для лучшей постановки его у себя на приисках Михаил Дмитриевич побывал в Европе, Англии и Америке. Впечатления свои изложил в книге «Письма из Америки». Он также активно помогал Братству святителя Иннокентия, сделав значительные пожертвования.

Можно привести еще множество свидетельств самоотверженной и патриотически направленной деятельности многочисленных членов Братства святителя Иннокентия.

Основная деятельность братства — просветительная — осуществлялась по нескольким направлениям, обозначенным в уставе. Прежде всего были организованы библиотеки. Одна из них действовала в школе при Иркутской Преображенской церкви. В 1907 году эта библиотека располагала 1 300 экземплярами книг (356 названий). В течение этого года ее посетило 208 человек (126 мужчин, 11 женщин и 71 ребенок). Еще одна библиотека была организована при Иркутском Троицком храме и находилась в его притворе, в ее составе в этом же году было 1 055 книг.

Братство также регулярно организовывало религиознонравственные беседы и чтения. Первоначально они проводились в Преображенской школе, а затем в доме, построенном для братства. Использовались и другие аудитории, например, в Иркутском духовном училище в 1913 году членами братства лекции читались практически еженедельно. Чтобы показать атмосферу данных мероприятий, приведем отрывок из отчета братства за 1913 год: «Чтения эти производились в переполненном слушателями зале, причем часто приходилось наблюдать, что малые размеры училищного зала не позволяли вместить всех слушателей, и с сожалением выслушивать справедливые упреки тех, кои не могли проникнуть в зал... Такое обильное стечение слушателей, помимо общей религиозно-церковной потребности, объясняется и самим составом лекторов — лиц большей частью с академическим образованием. Лекции всегда отличались глубиною и серьезностью содержания, научностью разработки и общедоступностью изложения...

По своему содержанию лекции эти возможно разделить на несколько разрядов: о религии вообще, о жизни, ее смыс-

ле и нравственных основах, о причинах нестроения в этом мире, о зле и т. д. В настоящее время эти вопросы требуют особенно всестороннего правильно-православного освещения и разрешения. На такие темы были следующие лекции: марта протоиереем Верномудровым "Религия, как исторический факт и как фактор кульолондут развития человечества". октября М.В. Один-"Нравст-ЦОВЫМ венные основы жизни по учению

М.Д. Бутин. 1872 г.

христианства", 13 января М.И. Яковенко "О смысле жизни" и два обширных чтения о. Николая Часоводова "О причинах нестроения в природе и смысле страданий в среде, окружающих человека", 15 сентября "О силе св. Креста Господня", произнесенная М.В. Одинцовым по поводу тысячелетия Миланского эдикта и протоиереем о. И. Дроздовым, познакомившим слушателей с этим торжеством христианства, 3 ноября С.П. Житниковым — "Обрядность православной церкви есть необходимый и при том наиболее совершенный, целесообразный и эстетический способ выражения религиозных чувств человека и общения его с Богом" и А.М. Никольским — "Исполнение пророчеств, как доказательство богодуховности Библии".

По вопросам, особо волнующим наше общество, можно указать лекцию о. А. Азлецкого (27 января) "Ницше и христианство", довольно подробно разобравшую учение о «сверхчеловеке», Ф.А. Шушковского "Религиозно-философские убеждения Тургенева" (25 сентября), А.М. Мышкина — "О религиозно-нравственных воззрениях Достоевского"... Исторические вопросы, интересовавшие общество, нашли своих выразителей в лекторах: протоиерее о. И. Дроздове и А.С. Рагозинском, предложивших свои лекции: "О предстоящем поместном соборе" и "Патриаршестве на Руси" (10 марта). Юбилейные торжества по случаю 300-летия царствования Дома Романовых нашли прекрасное отражение в двух лекциях: "Краткий очерк важнейших событий Русского государства за последние 300 лет", изложенных в пространной лекции капитана 28 Сиб. стр. полка А.А. Мечник и прекрасно освещающей светлые образы славного прошлого России и его вождей. Лекция эта была иллюстрирована 85-ю световыми картинами и сопровождалась торжественными гимнами, исполненными военным оркестром музыки. К тому же дню Братством издан и роздан народу юбилейный листок "Их пример будет нам наукой". Вторая лекция 3 февраля прочтена Павлом Никандровичем Плешановым на тему "Великая разруха Московского государства". Обе эти лекции, исполненные горячего патриотического чувства, воодушевленно прочитанные авторами, произвели глубокое впечатление на слушателей» (8, с. 2-4).

Далее сообщается, что были прочитаны лекции о таинствах священства, о всенощном бдении, о баптизме, о вреде алкоголя и на другие темы. Значимость лекций для духовного и культурного развития Иркутска в той исторической ситуации трудно переоценить.

Вся деятельность Братства святителя Иннокентия активно освещалась на страницах «Иркутских епархиальных ведомостей». В 1913 году Иркутский епархиальный съезд постановил открыть особый отдел в этой газете для того, чтобы регулярно публиковать тексты лекций, читаемых членами братства. Кроме этого, братство с 1905 года начало вести свое издательское дело. За два десятилетия было выпущено значительное количество книг и брошюр. Назовем для примера лишь некоторые из них:

- Дроздов И.Н., протоиерей. Святитель Иннокентий, 1-й епископ Иркутский. Иркутск, 1905;
- Гагарин Д., протоиерей. Столетие со дня открытия мощей Святителя Иннокентия. Иркутск, 1905;
- «Восхвалим мужа славна в бытии», четырехголосный концерт Святителю, музыка И.П. Райского. Иркутск, 1912;
- Автобиография архиепископа Вениамина. Иркутск, 1913;
- Гагарин Д., протоиерей. Десятилетие Иркутского церковного Братства. Иркутск, 1912;
- Троцкий А. Баптизм. История и учение секты. Меры борьбы с нею. Иркутск, 1914.

С 1906 года начали выпускаться «Записки Иркутского церковного братства во имя святителя Иннокентия». В первом выпуске, имевшем объем 106 страниц, было напечатано следующее:

- доклад «О церковном чтении», прочитанный священником В. Флоренсовым 27 октября 1905 года на собрании членов братства;
- доклад «К вопросу о церковном богослужении», прочитанный священником В. Флоренсовым 24 ноября 1905 года на собрании членов братства;
 - «Истинная свобода» слово священника М. Копылова;
- доклад «Миссионерство и архипастыри Иркутские со времен Святителя Иннокентия», прочитанный на торжественном собрании братства 9 февраля 1906 года священником В. Флоренсовым;
- некролог «Василий Аркадьевич Тронин», составленный священником Д. Гагариным;
- отчет о сборе пожертвований для голодающих в России и Забайкалье.

Также в значительном количестве выпускались «Брат-ские листки» в четыре страницы текста, которыми братство откли-калось на события в стране и мире («К православным воинам», «Отторженное воссоединение» /о Галиции/, «Как молят-

Церковь во имя Св. Иннокентия Иркутского в Иркутске

ся сектанты», «Что сделал для России CB. князь Владимир» и др.). Труды, изданные братством на протяжении двух десятилетий, являются важным источником ДЛЯ историков, краеведов в изучении научной духовной, и культурной жизни Восточной Сибири.

братстве При бласуществовал готворительный отдел. Он содержал богадельню ДЛЯ престарелых и бездомных бедняков, а также убежище для лиц, впавших во временную нужду. Кроме этого, отдел выдавал обеды из дешевой столовой общества «Утоли мои печали» и снабжал KO

Пасхи и Рождества Христова всем необходимым наиболее нуждавшихся бедняков. В 1910 году при братстве была учреждена детская бесплатная столовая имени архиепископа Тихона, в ведении которой был уход за бездомной городской детворой. В течение, например, 1914 года в ней было выдано 18 444 обеда, в среднем свыше 50 обедов в день. При столовой существовала церковно-приходская школа, в которой в 1914 году обучалось 23 мальчика и 12 девочек.

Значительная часть средств отдела использовалась для поддержки и обеспечения необходимыми богослужебными предметами храмов Иркутской епархии, а также для участия в возведении новых церквей. Например, 25 ноября 1906 года была освящена деревянная церковь во имя Св. Иннокентия в селе Голиковском (ныне Нижнеилимский район Иркутской об-

ласти), построенная при материальной поддержке Братства во имя святителя Иннокентия.

Благотворительный отдел братства на собственном земельном участке в Глазковском предместье по улице Александровской (ныне ул. Профсоюзная) при богадельне по-строил храм во имя Святителя Иннокентия. Деревянное здание церкви было заложено 20 октября 1913 года, а освящено 26 июля 1915 года. По облику церковь со стройной колокольней, высокими кровлями, крылечками, обильно украшенная резьбой, напоминала терем, довольно часто встречавшийся в русской архитектуре рубежа XIX–XX веков. Эта церковь разделила судьбу многих православных храмов России. В 1939 году она была закрыта, а в 1950-е годы здание снесли.

В 1910-е годы Братство святителя Иннокентия территориально расширило рамки своей деятельности, сосредоточив внимание на организации филиалов в сельских приходах. Было также решено в 1914 году учредить отдел трезвости, председателем которого был избран протоиерей Ф. Верномудров. В годы Первой мировой войны братство употребило накопившийся опыт благотворительной работы для помощи беженцам.

В 1914 году Св. синод определил членам братства право на ношение нагрудного знака и утвердил представленный архиепископом Иркутским и Верхоленским Серафимом (Мещеряковым) проект его рисунка. Знак братства представлял собой овальный щит, помещенный в венке из позолоченного лавра, увенчанного царской короной и перевязанного внизу лентой, на которой написано: «Б. СВ. И.». В середине щита помещены восьмиконечный крест и надпись: «БРАТСТВО СВ. ИННОКЕНТИЯ». Знак имел три степени: 1-я степень — золотой с эмалью — для почетных пожизненных членов и председателей братства; 2-я степень — серебряный с эмалью — для состоящих в совете братства и действительных членов в течение не менее пяти лет; 3-я степень — бронзовый без эмали — для всех остальных членов.

Уже в первые годы революции большевики начали планомерно разрушать церковную структуру. В 1918 году была закрыта газета «Иркутские епархиальные ведомости». В № 37 от 15 (28 по старому стилю) октября 1918 года информационного издания кружка по распространению литературы религиозно-нравственного содержания «Свет», которым церковные круги пытались в какой-то мере восполнить закрытую газету, мы прочитали последнее известное нам сообщение о деятельности братства: «В Преобр[аженской] церкви, в 5 час. вечера, по примеру прежних лет, совершается чтение

Современный нагрудный знак Братства святителя Иннокентия. Фото В. Белова, 2005 г.

акафиста. По окончании Богослужения все переходят в Родионовскую школу, где происходят заседания Благотворительного отдела Братства св. Иннокентия» (1, л. 177 об.). В 1920 году, с момента прихода большевиков и установления в Иркутске советской власти, союзы, братства и другие общественные организации прекратили существование.

Дать всестороннюю оценку деятельности Иркутского церковного братства во имя святителя Иннокентия можно будет после детального изучения всех аспектов его реальных дел и планов на фоне очень сложной исторической ситуации в России и Восточной Сибири. Но уже сегодня можно сказать о том,

что результаты самоотверженной и многосторонней работы членов братства проявились в тяжелые для Иркутской епархии времена — в 1920–1930-е годы: иркутское духовенство дало решительный отпор обновленцам-живистам, которые не смогли пустить здесь глубокие корни и закрепиться. Им противостояли, порою ценою своей жизни, бывшие члены Братства святителя Иннокентия (Ф. Верномудров, И.Н. Шабалин и многие другие).

В преддверии празднования 200-летия канонизации Иркутского чудотворца в 2004 году было восстановлено Братство святителя Иннокентия, которое пока еще малочисленно (в феврале 2006 г. в его составе было 13 человек), но уже существенно проявило себя: его члены оказали спонсорскую помощь при съемках фильма о свт. Иннокентии, в органи-

зации научной конференции, в подготовке вагона-храма для исторического события — крестного хода с мощами свт. Иннокентия по Восточной Сибири и Дальнему Востоку, а также в других богоугодных делах.

Для членов восстановленного братства учрежден новый нагрудный знак с изображением свт. Иннокентия в среднике. Знак имеет две степени: 1-я степень — с золотым средником — для членов-учредителей; 2-я степень — с серебряным средником — для членов, внесших существенный вклад в деятельность братства. Нагрудный знак и прилагаемый к нему фрачник выполнены иркутским ювелиром С.В. Ивановым.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1. Архив Регионального управления ФСБ РФ по Иркутской области, АУД № 6785.
- 2. Государственный архив Иркутской области, ф. 50, оп. 5, д. 15.
- 3. Гагарин Д. Очерк деятельности Братства во имя Святителя Иннокентия за шестой год его существования (2 дек. 1906 г. по 2 дек. 1907 г.) // Иркутские епархиальные ведомости. 1909. № 2 (15 янв.). Прибавления.
- 4. Годичное собрание членов Братства Св. Иннокентия // Иркутские епархиальные ведомости. 1914. № 24 (15 дек.). Прибавления.
- 5. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / Сост. Ю.П. Колмаков. — Иркутск, 2003.
- 6. Иркутское Иннокентиевское церковное братство при Иркутском кафедральном соборе // Иркутские епархиальные ведомости. 1900. № 4. Прибавления.
- 7. Отчет о деятельности Иркутского Епархиального Комитета по оказанию помощи беженцам за время с 9 октября 1915 года по 29 февраля 1916 года // Иркутские епархиальные ведомости. 1916. № 7 (1 апр.).
- 8. Очерк о состоянии Иркутского церковного во имя Святителя Иннокентия Братства за 1913 год (2 дек. 1912 г. 2 дек. 1913 г., XII год его существования). Иркутск, 1913.
- 9. Писарев И. Правила ношения братчиками Иркутского церковного во имя святителя Иннокентия 1-го епископа Иркутского нагрудного знака и описание его // Иркутские епархиальные ведомости. 1914. № 7-8 (1-15 апр.).
- 10. Устав Иркутского Церковного Братства во имя Святителя Иннокентия // Иркутские епархиальные ведомости. 1901. № 24 (15 дек.).

ЭКСПОНАТ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ИННОКЕНТИЯ ИРКУТСКОГО

Марина Валентиновна Дыбенко, младший научный сотрудник Архитектурно- этнографического музея «Тальцы», г. Иркутск

В собрание Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» входит коллекция изделий из стекла, которую, без сомнения, можно назвать одной из самых значимых как по количественному, так и по качественному составу. Наиболее ценную часть

коллекции составляют предметы, изготовленные на Тальцинском стекольном заводе, которые в настоящее время представлены на выставке «Тальцинский звон» в доме Зарубина.

Тальцинский стекольный завод был основан в 1784 году в 40 верстах от Иркутска на правом берегу Ангары при впадении в нее Тальцинки. Недалеко от этого места находилось Никольское месторождение кварцевых песков, имелись запасы других материалов, необходимых для производства стекла. Кроме того, завод располагался вблизи транспортных магистралей (Амурский тракт и р. Ангара) и был окружен лесом, то есть был полностью обеспечен топливом.

Основателями завода являлись незаурядные люди — ученый Э. Лаксман, разработавший новую технологию изготовления стекла, и каргопольский купец А. Баранов. За 170 лет существования завода (в 1950-е гг. из-за строительства Иркутской ГЭС он попал в зону затопления и был переведен в г. Тулун Иркутской области) здесь было произведено множество бытовых, необходимых в хозяйстве сибиряков предметов: банок, крынок, бутылок, различной посуды, чернильниц, оконных стекол и т. д., а также декоративных изделий: ваз, стеклянных тростей, зеркальных шаров и др.

История стекольного завода — одна из ведущих научных тем АЭМ «Тальцы», располагающегося в Тальцинском урочище. Кроме исторических исследований, которые ведутся научными сотрудниками музея и иркутскими учеными, вот уже несколько лет на Тальцинском мысе, где находился завод, идут археологические раскопки.

Ценный экспонат, о котором пойдет речь, был найден случайно в стороне от основных раскопов начальником производственного отдела АЭМ «Тальцы» А.В. Дыбенко. Осматривая размыв берега Ангары весенними водами, он обнаружил большое количество стеклянных осколков, фрагментов фарфоровой и фаянсовой посуды, керамических статуэток и т. д. Среди них была хорошо сохранившаяся бутылочка с рельефными изображениями на тулове, которая внесена в основной фонд собрания АЭМ «Тальцы».

Стекло бутылочки имеет голубоватый цвет. Четырехгранное тулово, плавно сужающееся к середине, имеет округлые плечики, которые переходят в длинное горлышко, состоящее из овального и округлого выступов и завершающееся отогнутым венчиком. Каждая из плоских сторон тулова украшена рельефными изображениями.

На одной стороне изображен пятикупольный храм, плос-

кость которого поделена на три части, завершенные полукруглыми лопатками. Ha центральной части представлена чаша (потир) с радиально расходящимися от нее лучами. Два вертикальных сектора по бокам представляют собой окна. Купола в виде маковок увенчачетырехконечными крестами, центральный крест восьмиконечный. В нижней части рисунка (под храмом) имеются ряда рельефных ромбов (возможно, так показана брусчатка).

На противоположной стороне изображение святителя Иннокентия. Он представлен в рост, в фас, в архиерейской мантии. Руки от локтей подняты вверх, правая

Изображение храма на бутылочке для лампадного масла

Изображение святителя Иннокентия на бутылочке для лампадного масла

— в жесте благословения, в левой Святой держит посох, заканчивающийся вверху рукоятью с двумя головками змей. На фоне в верхних углах рельефно выполненные буквы «С» и «И»: «Святитель Иннокентий». Вокруг головы символ святости — нимб.

Святитель Иннокентий, в миру Иоанн Кульчицкий, родился около 1680 года близ Киева. Образование получил в Киевской духовной академии, монашеский чин — в Киево-Печерской лавре. В тридцатилетнем возрасте он был вызван в Москву для преподавания в Славяно-греко-латинской академии, где вскоре стал префектом. 1719 году его перевели в Петербург, определив

обер-иеромонахом на флоте. В июле 1720 года именным указом Петра I был назначен главой духовной миссии в Китай. Четвертого марта 1721 года в Троицком соборе Александро-Невской лавры был посвящен в епископа. В 1722 году Иннокентий со свитой приехал в Иркутск, где и прождал пять лет разрешения китайской стороны на проезд через границу. Но в Китай поехал архимандрит Антоний Платковский, а Иннокентий был определен главой вновь организованной в 1727 году Иркутской епархии, которой руководил четыре года до своей смерти в 1731 году. Похоронен был в кирпичном склепе под алтарем деревянной Тихвинской церкви в Иркутском Вознесенском монастыре. Через тридцать три года были обретены его мощи: в 1764 году при ремонте Тихвинской церкви вскрыли его захоронение и обнаружили, что тело.

одежда, а также бархат на гробе оказались нетленными. Чудесное спасение Тихвинской церкви при пожаре летом 1783 года было отнесено к чудотворениям Иннокентия, и его культ начинает расширяться. На поклонение его мощам приходит много паломников. Стали записываться случаи исцеления, связанные с его именем, которых к началу XIX века накопилось более восьмидесяти. Первого декабря 1804 года Синод всенародно объявил о причислении Иннокентия к лику святых и установил 26 ноября днем его памяти.

Вплоть до 1921 года, когда большевики тайно увезли мощи Святителя в Москву, не прекращалось движение паломников в Вознесенский монастырь на поклонение Иркутскому чудотворцу. Особо почиталось посетителями монастыря в качестве целительного средства лампадное масло (елей), освященное на мощах Святителя. Известный церковный писатель

С.В. Булгаков, описывая житие святителя Иннокентия Иркутского, подчеркнул: «В редком доме не имеется его икон, сосуда с елеем, освященным на его раке...» (3, с. 476).

Найденная в Тальцах бутылочка и является тем сосудом, в котором паломники VНОСИЛИ ИЗ Вознесенского монастыря лампадное масло для лечения недугов. Основные характерисобнаруженного экспоната, такие как прозрачность, вес, — соответствуют характеристикам стекла, производимого на Тальцинском стеколь-HOM заводе. Кроме целой бутылочки в том же месте было

Святитель Иннокентий Иркутский. Икона, XIX в. Иркутский Знаменский собор

Иркутский Вознесенский монастырь. Фото начала XX в.

найдено еще три фрагмента точно таких же изделий, что свидетельствует, что их также изготавливали в Тальцах.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1. Артемьев А.Р. Отчет об исследованиях Тальцинского стекольного завода в Иркутском районе Иркутской области. 2000 г. Фонды Архитектурно-этнографического музея «Тальцы», ВС АЭМ 550 (1).
- 2. Бубис Н.Г. Тальцинская стекольная фабрика // Земля Иркутская. 1996. № 5.
- 3. Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. М., 1993 (репринтное воспроизведение издания 1913 г.). Т. 1.
- 4. Крючкова Т.А. Иркутский святитель // Земля Иркутская. 1994. № 1.

воспоминания

ПАСХА В ИРКУТСКЕ

Нина Федоровна Соснина

Казанская церковь, названная в честь Казанской Божией Матери, видна была из нашего двора и из окон нашего дома величественная, красивая.

Когда мы переехали в свой дом (родители Нины Федоровны купили дом недалеко от Казанской церкви, в переулке Учительском, в октябре 1919 г. — Ю.Л.), папа пригласил священнослужителей,

священника отца Андрияна (Сивцева. — Ю.Л.) и дьякона, отслужить в доме молебен и освятить его. После молебна священник все кропил (обрызгивал) святой водой, после чего был торжественный ужин.

В церковь нас водили часто: в субботу ко всенощной службе, в воскресенье к обедне. Перед Пасхой был Великий пост, во время которого мы постились целый месяц. В это время мы не ели скоромную пищу, ели постное масло, овощи, рыбу, даже молоко пить не разрешалось. Когда мы подросли и стали девицами (нас называли «барышни»), мы ходили в церковь по целой неделе — «говели», то есть ходили ко всенощной и к обедне, затем исповедовались — говорили священнику о своих грехах: непослушании родителям, ссорах и т. п. Какие у нас в то время были грехи, когда все дети беспрекословно слушались родителей и старших? Это было совсем другое время, нас воспитывали, требовали быть вежливыми, учтивыми, честными, правдивыми. После исповеди мы причащались, то есть священник из серебряной чаши давал нам кусочки просвирок, плавающих в разбавленном кагоре (тело и кровь Господня).

Все это было очень торжественно — нас одевали в лучшие платья, красиво причесывали, украшали бантами. На четвертой пасхальной неделе в церкви были богослужения; в Великий четверг было чтение 12 Евангелий (12 отрывков, посвященных страстям Христовым. — Ю.Л.) вечером, заканчивалось оно поздно, где-то в двенадцатом часу ночи.

и вся присутствующая публика с горящими свечами шла вокруг церкви во главе со священниками и другими служителями церкви, несущими впереди крест с распятьем Христа, хоругви и иконы. Зажженную свечу надо было принести до дому и на притолоке каждой двери сделать коптящим пламенем свечи крест. А дома в Великий четверг красили к Пасхе яички — в разные цвета. Окрашенные яички ставились на праздничный стол, приготовленный для разговенья после заутрени — воскрешение Христа. Стол был накрыт и уставлен всевозможными блюдами начиная с закусок и кончая горячими блюдами, все это разрешалось употреблять после Великого поста. Стол накрывался в субботу перед заутреней.

В пятницу во время обедни был вынос плащаницы. Плащаница — это как бы надгробие Христа (полотно. — Ю.Л.) прямоугольной формы, сделанное из мягкого шелковистого материала золотистого цвета, обрамленное такими же кистями. На поверхности плащаницы изображено тело умершего Христа с окружающими его учениками и Богоматерью. Откуда священнослужители выносили плащаницу, я не помню (в десять-одиннадцать лет не все запоминается, это я сейчас ворошу все в своей памяти и вспоминаю прошлое). На вынос плащаницы мы ходили редко, а вот на заутреню мы ходили ежегодно.

В пятницу дома пекли куличи, варили пасху, пекли печенье. Нам, детям, не разрешалось топать ногами по полу, хлопать дверями, чтобы не стрясти подъем куличей. Куличи пекли в русской печке в высоких железных формах, форму внутри обкладывали промасленной бумагой, чтобы тесто не приставало к стенкам формы. Сверху куличи обмазывали белой сахарной помадкой, обсыпали разноцветными зернышками (как крупинки проса) и на середину верха кулича помещали сделанное из сахара какое-нибудь украшение — ангела, целующихся голубков или цветы. Это все я видела и запомнила маленькой, а потом этого уже ничего не было.

Пасхальный стол, как он был прекрасен! Покрыт новой белоснежной льняной скатертью, и чего там только не было! Жареный поросенок, жареный гусь — во рту поросенка и в клюве гуся были веточки маринованной сибирской яблони. Запеченный осетр — огромный, чуть не во весь стол. Всевозможные закуски: окорок, разных сортов колбасы, омуль соленый и копченый, селедка, икра крас-

ная, черная паюсная, крашеные яички, мясной пирог, всевозможное печенье.

Из вин мне особенно запомнились: «Спотыкач» вот в такой бутыл ке темно-вишневого цвета и «Рябиновая» — вот в такой бутылке. Водка была всегда в графинах. Была я ребенком, но все отлично помню. Еще на стол ставился домашнего изготовления в оригинальном кувшине с такими же стаканами хлебный квас.

В субботу шла подготовка к празднику. Картины и иконы украшались пихтой, по всем комнатам был воздух, насыщенный ароматом пихты. К 12 часам ночи вся семья, кроме малышей, готовилась идти к заутрене. Одевались в праздничные наряды, а девочек украшали красивыми бантами из розовых шелковых лент. Кудри наши эффектно обрамляли наши мордашки.

Церковь сияла многочисленными огнями паникадил, украшенных бумажными, искусно сделанными розовыми цветами, и множеством свечей в подсвечниках у икон и распятья Христа на кресте. Священнослужители были все одеты в светлые золотистые ризы. Гремел на клиросе хор. Все было торжественно. Пели «Христос воскрес». Все поздравляли друг друга, целовались, а потом был крестный ход с зажженными свечами, иконами, хоругвями вокруг церкви по церковной ограде. Священники восклицали: «Христос воскрес», а народ отвечал: «Воистину воскрес».

В одном из приделов церкви стояли столы, уставленные куличами, пасхами, крашеными яйцами для освящения святой водой.

Часа через два-три заутреня кончалась и начиналась обедня, но мы, дети, уже уставали, и нас уводили домой, усаживали за накрытый стол разговляться. Семья была очень дружная, все шесть детей, папа с мамой, крестная, тетя Нюта с дядей Ваней, кухарка Феклуша поздравляли друг друга, христосовались и кушали с аппетитом, истосковавшись за длинный пост. Было весело, уютно, и очень хотелось спать.

Утром приходили священники с молебном. В доме все время раздавалось пение «Христос воскрес из мертвых». Священнослужителей тоже садили за стол, угощали, а после них приходили так называемые визитеры — мужчины, которые после «христосования» подходили к столу, выпивали рюмку вина или водки, закусывали чем хотели и уходили в следующий дом, поздравляя всех. Все они были нарядные, с цветком в петлице пиджака.

Пасху праздновали целую неделю, магазины не торговали три дня. Торговали только провизией. Обычно Пасха была теплая, ходили в весенней одежде, шляпках, мужчины в фетровых «котелках» и шляпах и обязательно с тросточками.

После Пасхальной недели в следующее воскресенье была «Красная Горка». С этого дня начинались свадьбы и игра с крашеными яичками, их катали со специально сделанных полированных и выкрашенных в разные цвета горок. Так же играли и искусственными яичками.

Об авторе: **Нина Федоровна Соснина** родилась в Иркутске 25 декабря 1908 года (7 января 1909 года по новому стилю). В 1927–1930 годах училась в фармакологическом техникуме в Иркутске. С 1934 года работала лаборантом-химиком в лаборатории факультета агрохимии Иркутского сельскохозяйственного института. В 1937–1954 годах была химиком, заведующей лабораторией, главным пивоваром на Иркутском пивзаводе. С 1958 года — химик, затем — старший микробиолог на Иркутском ликеро-водочном заводе. Вышла на пенсию в 1972 году. Воспоминания, отрывок из которых мы публикуем, были написаны в 1990-х годах. Скончалась Н.Ф. Соснина 2 февраля 1997 года в возрасте 88 лет.

Публикация Ю.П. Лыхина

КАК ВОЗНИК И ЧЕМ ЖИВЕТ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД ИМЕНИ ИННОКЕНТИЯ СИБИРЯКОВА

Валентин Иванович Боцвин, президент Благотворительного фонда имени Иннокентия Сибирякова, г. Санкт-Петербург

Меня нередко спрашивают о том, как я пришел к мысли о необходимости создания благотворительного фонда. Вступление на путь сознательной благотворительности связано с главным событием моей жизни — приходом к Богу. После того как Господь

открыл передо мной двери храма, я увлекся разной общественной деятельностью: Рождественскими чтениями, семинарами, конференциями православной интеллигенции.... Я постигал новый для себя мир, где люди занимаются настоящим делом — спасаются сами и помогают другим. «А ты, — укорял я себя, — банально зарабатываешь на кусок хлеба». Моя основная работа в качестве предпринимателя стала как-то отходить на второй план, а производственный корабль пустился в самостоятельное плавание. Встал вопрос, как жить дальше?

Мне доводилось спрашивать совет у недавно почившего известного многим верующим старца Николая Гурьянова, богоугодно ли мое коммерческое дело, на своем ли я месте. Старец благословил меня заниматься тем, чем я занимаюсь. Так я остался в бизнесе, но проблемы нашей действительности продолжали волновать меня, заставляли думать о том, как внести и свою лепту в возрождение духовности в России, как помочь хотя бы некоторым людям в их нуждах.

Мы все сегодня являемся свидетелями тому, что за последние пятнадцать лет отечественной истории в России произошло имущественное расслоение и рядом с нами оказалось немало людей, нуждающихся в поддержке. Само время призывает сейчас и государство, и предпринимателей обратиться к нашим отечественным традициям и увидеть, что в течение многих веков милосердие в России было не только важнейшим принципом общественных отношений, но и образом жизни большинства людей. Наши предки умели добиваться материального успеха в жизни, не забывая и протягивать руку помощи нуждающимся.

Наблюдения за происходящим в стране и размышления над судьбами Отечества и близких мне людей побуждали к конкретной деятельности. Как духовное завещание предыдущих поколений воспринимались изречения святых отцов о милосердии. Так постепенно созревала мысль о создании благотворительного фонда, который был задуман как «фонд добрых дел». К моменту создания фонда у нас уже существовали бесплатные обеды для сотрудников, рождественские подарки, совместный отдых и праздники... Но такая благотворительность была ограничена корпоративными рамками и не имела общественного звучания, а значит, и не могла внести свой вклад в возрождение наших духовных начал, основанных на милосердии и любви к ближнему. Мы долго искали название фонду и по предложению православной писательницы Татьяны Сергеевны Шороховой остановились на яркой личности капиталиста-золотопромышленника и выдающегося благотворителя Иннокентия Михайловича Сибирякова, уроженца Иркутска, что тоже немаловажно. Как известно, он был достойным продолжателем благотворительных традиций сибирского купечества, которое в XIX – начале XX века своей щедростью поражало всю Россию.

В личности Иннокентия Сибирякова меня тронули не только масштабность его благодеяний и прекрасные душевные качества, но и его непростой путь к Богу: после увлечения радикальными идеями западного толка по преображению России Иннокентий Михайлович вернулся «домой», к православной духовной традиции своих предков, и отдал себя служению Богу всецело. В расцвете лет он раздал свое многомиллионное состояние, принял монашеский постриг в Санкт-Петербурге и жил на Афоне в Свято-Андреевском скиту смиренным схимником, спасаясь в высшем монашеском подвиге — подвиге безмолвия. К счастью, и в наше время со многими случаются подобные духовные перемены, хотя они далеко не всегда завершаются монашеским служением, так как избрание на последнее является делом Промысла Божия. И мой путь к жизни по вере тоже отчасти сходен с опытом Иннокентия Сибирякова.

Все, что связано с Афоном, для меня особенно дорого, я бывал там неоднократно, так как Святая Гора — идеальное

место для исследования своей души: тишина и покой, и ты, грешный, падший человек, вопиющий к Богу: «Как быть. что делать?» Пятый раз я ехал на Афон осенью 2004 года уже в качестве президента Благотворительного фонда имени Иннокентия Сибирякова. У меня с собой был вопросник для выяснения подробностей жизни схимонаха Иннокентия в Свято-Андреевском скиту. На тот момент о пребывании отца Иннокентия на Афоне мы мало что

Президент Благотворительного фонда имени Иннокентия Сибирякова Валентин Иванович Боцвин. Фото В. Боцвина, 2005 г.

знали. И здесь со мной и моим духовным отцом протоиереем Игорем Филиным произошли события, которые я отношу к разряду православных чудес и о которых считаю своим долгом рассказывать.

В настоящее время в Свято-Андреевском скиту русских монахов нет. Там проживают во главе с настоятелем архимандритом Ефремом греческие подвижники из Ватопедского монастыря. Остановившись в скиту Ксилургу, где живут русские монахи Свято-Пантелеимонова монастыря, мы отправились в Свято-Андреевский скит паломниками. Осмотрев территорию обители, зашли и в Андреевский собор, построенный на средства Иннокентия Михайловича Сибирякова. Здесь взяли благословение у иеромонаха Ефрема, но поговорить нам не удалось. Мешал языковой барьер... Однако оставшийся безответным вопросник в моих руках не давал мне покоя. Надо было уже уходить, и, почти не имея никакой надежды получить в скиту какие-либо сведения о схимонахе Иннокентии, я чуть ли не в отчаянии взмолился ему: «Отче Иннокентие, помоги!»

Выйдя в монастырский двор и собираясь уже покинуть обитель, мы обратили внимание на группу паломников, только что вошедших на территорию скита. В руках священника я увидел книгу с названием на русском языке «Андреевский скит», дерзнул взять благословение и спросить, не поможет ли он нам перевести вопросы. Заговорили и познакомились со священником из Канады протоиереем Владимиром Мальченко — настоятелем Свято-Троицкого собора Русской зарубежной церкви в Торонто. Оказалось, что он уже двадцать пять лет поминает схимонаха Иннокентия (Сибирякова) в своих молитвах. Так Господь в одно и то же время свел почитателей Иннокентия Михайловича Сибирякова из разных концов света в месте его упокоения. С отцом Владимиром мы не разминулись всего лишь на пару минут!

Батюшка стал нашим переводчиком, и мы смогли объясниться с настоятелем скита, задать ему интересующие нас вопросы. Отец Ефрем провел нас в костницу, обычно недоступную большинству паломников. Здесь по афонской традиции хранятся главы почившей братии — всего полторы тысячи черепов. Каково же было наше удивление, когда мы увидели, что глава схимонаха Иннокентия имеет янтарно-медовый цвет, что по афонскому преданию считается несомненным признаком святости. Само положение главы — на красной ткани рядом с главами основателей обители — говорило об особом почитании на Святой Горе схимонаха Иннокентия.

Отец Ефрем не только благословил нас осмотреть святыни костницы, но и позволил сфотографировать их. Благодаря этому наши соотечественники смогли познакомиться с уникальными видами Свято-Андреевского скита, братской костницы, честных останков схимонаха Иннокентия. В костнице произошло еще одно чудо. На Афоне существует правило не отделять частиц мощей от монашеских глав. Зная об этом, мы не решались просить настоятеля монастыря о передаче частицы честных останков схимника в Санкт-Петербург, но Господь видел наше желание и не замедлил явить свою милость. В тот момент, когда отец Ефрем, — уже в который раз! — повернул в руках главу схимонаха Иннокентия, внимательно всматриваясь в нее, ему на ладонь выпала частица кости, самопроизвольно отколовшаяся от черепа. Настоятель передал эту частицу отцу Игорю Филину. Через несколько дней мы доставили ее в Санкт-Петербург, где она теперь хранится в алтаре храма Преподобного Серафима Саровского в Песочном, так как здесь и настоятельствует духовник нашего фонда отец Игорь.

Так началось возвращение в Россию Иннокентия Михайловича Сибирякова не только как благотворителя, но и как подвижника веры и благочестия. Там же, в Свято-Андреевском скиту, удалось нам увидеть и больничный корпус с храмом во имя Иннокентия Иркутского, построенные на средства отца Иннокентия в честь его небесного покровителя. Благодаря этому храму на Афоне имя сибирского святого Иннокентия Иркутского стало известно во всем мире, и теперь ему посвящены храмы во многих частях света.

Видели мы и скиток близ монастырских стен, где подвизался схимонах Иннокентий со своим духовным отцом, а при этом ските — храм в честь Михаила Клопского и Великомученицы Варвары — небесных покровителей родителей отца Иннокентия. И как трогает сердце тот факт, что осиротевший еще в отроческом возрасте Иннокентий Михайлович и в монашестве не забыл своих родителей, носил нежную память о них в своем сердце. Как это великодушно, как по-русски, по-христиански! Место подвига схимонаха Иннокентия сегодня пока находится в полном запустении, но мы верим, что

Афонский собор Св. Апостола Андрея Первозванного. Фото В. Боцвина, 2004 г.

традиции сибирской благотворительности живы, а значит, островок Сибири на Афоне дождется своих благодетелей.

Посещение Свято-Андреевского скита стало для меня этапным и в духовной жизни. Я пережил там такие глубокие покаянные чувства, которые перевернули всю мою душу, и вернулся в Россию с полным убеждением, что наш фонд носит имя не только выдающегося благотворителя, но и угодника Божия, который слышит наши молитвы и подает нам свою помощь.

Так как события, случившиеся с нами на Афоне, переросли рамки полномочий фонда как социальной организации, мы после возвращения в Санкт-Петербург подали рапорт обо всем происшедшем митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Владимиру. Тогда же получили благословение на публикации статей и организацию радиопередач об отце Иннокентии (Сибирякове) в епархиальных средствах массовой информации и на сбор материалов о нем для предоставления биографической справки в комиссию по канонизации. Сбор материалов о жизни, благотворительной деятельности и духовном подвиге схимонаха Иннокентия Сибирякова является сейчас одним из основных направлений деятельности нашего фонда. Мы надеемся, что Господь поможет нам организовать исследование архива в Свято-Андреевском скиту на предмет изучения монашеской жизни отца Иннокентия, что позволит завершить работу над биографической справкой в полном объеме. Мы были бы счастливы получить материалы с Афона уже в этом году.

В Свято-Андреевском скиту побывали мы и осенью 2005 года. В это посещение на мощах Андрея Первозванного (в Андреевском скиту хранится его лобная кость) была освящена рукопись книги Т.С. Шороховой «Благотворитель Иннокентий Сибиряков». Книга вышла в свет через два месяца после этого попечением нашего фонда к XIII Международному конгрессу по благотворительности, который был приурочен к 145летию со дня рождения Иннокентия Михайловича Сибирякова. Это научное исследование, появившееся в Издательстве Санкт-Петербургского государственного университета, — первая книга об Иннокентии Михайловиче Сибирякове. Думаю, что о нем будет написан еще не один труд.

Получилось как бы само собой, что название фонда теперь определяет и еще одно важное направление нашей деятельности: работу по распространению в общественном сознании россиян идеи о необходимости возрождения традиций благотворительности на примере жизни Иннокентия Михайловича

Участники XIII Международного конгресса по благотворительности. Фото А. Орешкина, 2005 г.

Сибирякова. Поэтому и посвящение Иннокентию Сибирякову конгресса «Проблемы благотворительности в современном мире» считаем важнейшим достижением петербургской интеллигенции, а также нашего фонда, так как имя незаслуженно забытого за последние сто лет благотворителя теперь не только введено в научный оборот, но и, так сказать, «легализовано» на официальном уровне. Удивительный пример жизни Иннокентия Михайловича Сибирякова попал и в поле зрения широкой российской общественности.

Международный форум, проходивший 22–24 ноября 2005 года в Петровском зале Санкт-Петербургского университета, был организован и проведен усилиями не только Благотворительного фонда имени Иннокентия Сибирякова, но и Санкт-Петербургского государственного университета, в котором учился Иннокентий Михайлович, Санкт-Петербургской духовной академии, Отдела благотворительности Санкт-Петербургской епархии и других организаций. Особым духовным событием стала панихида по схимонаху Иннокентию, отслуженная в церкви Апостолов Петра и Павла Санкт-Петербургского государственного университета в день открытия конгресса, ровно через 120 лет после того, как студент Императорского университета Иннокентий Сибиряков написал заявление о переводе его в вольнослушатели.

Храм и богадельня Свт. Николая Чудотворца, Псковская область. Фото С. Никоновой, 2005 г.

В настоящее время нашим фондом разработана просветительная программа «Благотворитель Иннокентий Сибиряков: через благотворение к святости». Мы надеемся найти единомышленников для широкого информирования наших соотечественников о вкладе Иннокентия Михайловича Сибирякова в развитие отечественной науки и образования, светской и духовной культуры, а для этого надо провести огромную исследовательскую работу, выпустить книги, кинофильмы, создать музей, передвижную выставку... Сегодня уже коечто в этом направлении сделано. Помимо издания книги Т.С. Шороховой «Благотворитель Иннокентий Сибиряков» разработан сайт нашего фонда, где мы помещаем материалы о схимонахе Иннокентии, вышел в эфир цикл радиопередач на радиостанциях Санкт-Петербурга, регулярно публикуются о благотворителе статьи в светских и церковных СМИ.

Разумеется, не оставлено нами без внимания и главное назначение благотворительного фонда — социальное служение. В рамках средств, которыми фонд располагает, мы оказываем посильную материальную помощь семьям священнослужителей, оставшимся без кормильца (вдовам, ма-

лолетним детям и престарелым родителям). Помогаем мы и батюшкам, вышедшим за штат по болезни, овдовевшим священнослужителям с детьми, нескольким семьям, оказавшимся в кризисной ситуации, больным детским церебральным параличом. Удалось организовать помощь приходу храма Святителя Николая в деревне Каменный Конец Гдовского района Псковской области, при котором создается богадельня, и т. д. Мысль Федора Михайловича Достоевского о том, что сострадание есть «главный и, может быть, единственный закон бытия всего человечества», нам близка.

Кроме этого, мы помогали обществу «Санкт-Петербург — Крым» в организации детских международных крестных ходов. Совместно с Обществом возрождения отечественных традиций устроили в Петербурге и Севастополе творческие встречи с писателем Виктором Николаевым, книги которого «Живый в помощи» и «Из рода в род» хорошо знают православные читатели и люди, не растерявшие в ходе перемен любви к родной земле и ее людям. Наш фонд поддерживает и информационный интернет-проект — общественный портал «Собор Санкт-Петербург».

В заключение этой своеобразной презентации Благотворительного фонда имени Иннокентия Сибирякова я хотел бы пригласить к сотрудничеству всех, кто свое будущее и будущее своих детей связывает с Россией и понимает, что в нашей стране расчет на отдельное от народа счастье — вещь малонадежная. Сегодня сама действительность ставит перед отечественными предпринимателями вопрос о социально ответственном бизнесе. Не следует рубить сук, на котором сидишь.

Братьев и сестер по вере я призываю молиться о схимонахе Иннокентии и обращаться к нему за помощью. Если она будет вам полезна, то получите ее, получите и более того, что просите, как получил на Афоне и я, о чем и свидетельствую. И если ваша молитва к схимнику будет услышана, то просим вас сообщать об этом со всеми подробностями и точным указанием вашего полного имени, телефона и адреса по нашему адресу: 198097, г. Санкт-Петербург, улица Новоовсянниковская, 19/1; телефон (812) 746-67-65.

Ваши свидетельства помогут подготовить необходимый пакет документов в комиссию по канонизации для прославления схимонаха Иннокентия (Сибирякова) в лике святых. Чего чают, ожиданием чего живут все почитатели незабвенного благотворителя Иннокентия Михайловича Сибирякова во всех частях света.

ДОМ СЕЛЬСКОГО ПСАЛОМЩИКА В МУЗЕЕ «ТАЛЬЦЫ»

Марина Леонидовна Никифорова, заведующая русским отделом Архитектурно-этнографического музея «Тальцы», г. Иркутск

Экспозиция «Дом сельского псаломщика» в Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» открылась в 1994 году. Она знакомит посетителей с бытом сельских церковнослужителей конца XIX – начала

XX века, которые наряду со священнослужителями* играли значительную роль в духовном окормлении и просвещении крестьян.

В начале XX века типичный причт** на территории Иркутской губернии состоял из священника и псаломщика.

Священников готовила Иркутская духовная семинария. Псаломщиком мог быть человек как окончивший семинарию, так и без образования. Обязательным для псаломщика было наличие сильного, звучного голоса. Как правило, в псаломщики шли грамотные верующие крестьяне. В их обязанности наряду с чтением и пением на клиросе входило еще и ведение церковного делопроизводства. Часто кроме выполнения своих прямых обязанностей и священники, и псаломщики должны были преподавать в сельских школах Закон Божий, церковно-славянский язык и церковное пение. За труд псаломщикам полагалось жалованье, которое было невелико, в 90-е годы XIX века оно составляло около 100 рублей и 84 пуда руги*** в год. Такого жалованья было недостаточно, поэтому псаломщики занимались огородничеством, скот обыкновенно не держали, так как не имели для этого времени.

^{*} Священнослужители – служители церкви, имеющие степень священства (священники и дьяконы); церковнослужители – низшие служители церкви, не имеющие степени священства (псаломщики, пономари, чтецы, певцы, сторожа и др.).

^{**} Причт - состав лиц, служащих при одном храме.

^{***} Руга - плата прихожан причту в виде хлеба.

Музейная экспозиция расположилась в доме-одноколке*. вывезенном из деревни Ёдарма Усть-Илимского района Иркутской области. Эта деревня до советского времени относилась к Киренскому уезду Иркутской губернии. От уездного города Киренска она находилась в 751 версте, а от города Иркутска — в 1 196. В 1911 году в ней было 17 дворов с числом жителей 36 человек мужского пола, 32 — женского и 14 детей в возрасте от 8 до 12 лет. Крестьяне занимались хлебопашеством, рыболовством и звероловством. Ближайшая школа и церковь во имя Пророка Илии располагались в четырех верстах — в селе Кеуль. В 1906 году в Ёдарме была построена часовня во имя Николая Чудотворца.

В 1987-1988 годах в связи со строительством Богучанской ГЭС проходили экспедиции по обследованию селений и находившихся в них памятников, попадавших в зону за-

топления. Домодноколок, который относится к типичным жилым постройкам XIX века В данном регионе, был обнаружен в центре деревни Ёдарма. По архитектурнопланировочному облику дом датируется концом XIX – началом XX века.

В плане он представляет собой практически ровный квадрат размерами 5,8 х 5,7 м, с поздним приделом сеней со стороны главного входа у восточного фасада. Срублен

Дом-одноколок в деревне Ёдарма Усть-Илимского района Иркутской области. Фото из архива АЭМ «Тальцы», 1987 г.

^{*} Одноколок - небольшая изба-четырехстенок.

дом из бревен в технике в «обло». Сруб по традиции был поставлен прямо на землю без фундамента, только в некоторых местах были подложены большие камни.

На фасаде дома сохранились элементы декора: торцы двух верхних бревен, значительно выпущенные за плоскость стены, обработаны топором в виде резных зубцов.

Небольшой по размерам, скупо декорированный дом удачно подошел для строительства в музее «Тальцы» экспозиции «Дом сельского псаломщика». Известно, что дома и надворные постройки для служителей церкви строило и содержало сельское общество, поэтому, как правило, такие усадьбы были небогатыми. Дом-одноколок с надворными постройками отреставрировали в музее в 1994 году. Он вошел в состав комплекса «Волостное село», расположившись недалеко от Казанской церкви и церковно-приходской школы.

Внутренняя экспозиция дома знакомит с бытом церковного служки. Дом разделен на две половины — избу и куть (кухню). В кути — все то, что можно было увидеть в обычном крестьянском доме: деревянная посуда, туеса, крынки и т. п. Отличительная особенность убранства дома состоит в большом количестве икон. Божница установлена в красном углу от потолка до столешницы. Иконы на ней расположены в четыре ряда. Традиционно присутствуют иконы с изображением Иисуса Христа — «Спас Нерукотворный», Богоматери — «Казанская» и «Знамение», и Николая Чудотворца. Кроме того, на божнице присутствуют образа особо почитаемых на Руси святых: Серафима Саровского, Сергия Радонежского, Дмитрия Солунского, святителя Иннокентия Иркутского и др. Часть икон была приобретена музеем в 1994 году в иркутском магазине «Антиквар» специально для экспозиции.

В интерьере дома представлена горка с книгами и журналами конца XIX века, среди них: «Живая старина», «Странник», «Христианские чтения», «Записки Сибирского отделения Императорского Русского географического общества».

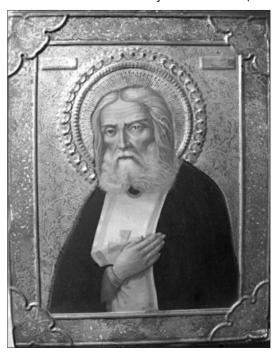
Хотя псаломщикам не полагалось специального одеяния, за хорошую службу некоторые из них награждались рясой и скуфьей. Музейная экспозиция рассказывает о псаломщике, имевшем такие награды.

В силу того что о церковной одежде известно мало, рассмотрим этот вопрос подробнее. Повседневное одеяние духовенства и монашества всех степеней — подрясник и ряса. «Подрясник представляет собою длинное, до пят, с наглухо застегнутым воротником одеяние с узкими рукавами». «Ряса — верхнее одеяние с длинными ниже ладоней, широкими рукавами» (3, с. 110–111).

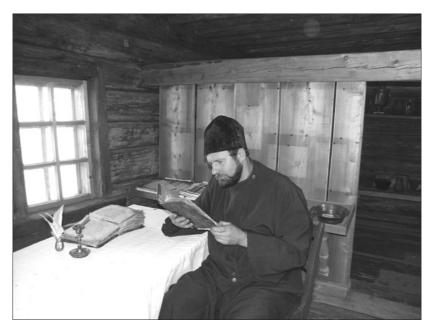
Свободная длинная одежда с широкими рукавами имеет восточное происхождение. Она была распространена и в иудейской среде времени земной жизни Спасителя, который сам носил такую одежду, о чем свидетельствуют предание и иконография. Поэтому подрясник и ряса считаются одеянием Господа Иисуса Христа. Древность одежды этого типа косвенно подтверждается тем, что и поныне у многих восточных народов в качестве традиционной национальной одежды употребляется широкое длинное одеяние с широкими рукавами. Слово «ряса» происходит от греческого прилагательного «то расон», что значит «оскребанная, вытертая, лишенная ворса, поношенная». Именно такую почти нищен-

скую одежду полагалось носить в Древней церкви монашествующим. Из монашеской среды ряса со временем вошла в обиход всего духовенства.

Как греческие появились рясы в России? В Русской церкви до XVII века рясы не были обязательны. обыденной жизни духовенство носило длинные однорядки особого по-кроя из сукна и бархата зеленого, фиолетового и малинового (однорядки цветов светских лиц своим внешним видом уже тогда во многом отличались от одеяния священнослужителей). Расширявшие-

Икона «Преподобный Серафим Саровский» (начало XX в.) из экспозиции «Дом сельского псаломщика».
Фото Т. Крючковой, 2003 г.

Сотрудник музея «Тальцы», одетый в рясу и скуфью. Фото М. Никифоровой, 2003 г.

ся связи с православным Востоком во второй половине XVII века способствовали проникновению в русскую церковную среду одеяний греческого духовенства. Большой Московский собор 1666–1667 годов постановил благословить для русских священнослужителей и монахов духовные одеяния, принятые в то время на православном Востоке. Однако свободная прямая ряса, удобная для стран с жарким климатом, оказалась неприемлемой на Руси, где внешние условия создали привычку носить одежды, плотно облегающие тело, к тому же просторные одежды с разрезом в середине, спереди, носили в то время турки. Поэтому русские рясы стали запахиваться и ушиваться в талии, рукав из прямого был сделан в виде раструба.

С XVIII века мирские одежды высших классов стали совершенно отличными от традиционных русских одежд. Постепенно все классы общества стали носить короткие одежды, часто европейского типа, так что одеяния духовенства оказались в особенно резком отличии от мирских. В то же время в XVIII веке повседневные одежды духовенства приоб-

рели большее единообразие и устойчивость покроя и цвета. Монашествующие стали носить в основном только черные подрясники и рясы (тогда как в древности они носили зеленые однорядки), белое духовенство также сузило цветовую гамму своих одежд.

Общее символическое значение подрясника и рясы — это свидетельство отрешенности от мирской суеты, символ духовного покоя. Мир и покой сердца в его постоянном духовном пребывании с Богом есть высшая цель усилий любого верующего человека, но особенно духовенства и монашествующих лиц как посвятивших всю жизнь служению Богу. Внешнее одеяние духовенства соответствует этому состоянию, напоминает о нем, призывает к нему, помогает достичь его, будучи образом того верхнего одеяния, которое носил Иисус Христос во время своей земной жизни. Длинное одеяние духовенства является знамением Божией благодати, облекающей служителей Бога, покрывающей их человеческие немощи.

Особенно примечателен черный цвет подрясников и ряс: черный цвет — это по существу отсутствие цвета, то, что лежит за пределами светового спектра. В применении к одеянию духовенства и монашества это означает цвет совершенного покоя как отсутствия движений страсти, как бы духовной смерти для греха и отрешения от всего суетного, от внешней плотской жизни, сосредоточенность на неведомой жизни, внутренней. Повседневные одеяния духовенства имеют значение и для окружающих верующих людей как свидетельство того духовного состояния, к которому должны стремиться верующие, чающие спасения в Боге.

В повседневном употреблении духовенство и монашество имеют различные головные уборы. Среди них и скуфья. В древности скуфья представляла собой небольшую круглую шапочку, похожую на чашу без подставки. Такой шапочкой издревле прикрывалась у священнослужителей выбритая верхняя часть головы. Обычай духовенства брить волосы сохранялся в России вплоть до середины XVII века, после он был упразднен, но скуфья до сих пор осталась в качестве головного убора духовных лиц всех званий и степеней. Со временем изменился покрой скуфьи. Она приобрела вид фигурной мягкой складывающейся шапочки, покрывающей голову глубоко, до бровей, сшитой при этом так, что складки надетой скуфьи образуют над головой знамение креста. Скуфья носится только вне храма, при входе в церковь она

должна сниматься. Этот обычай соблюдается и поныне.

Кроме перечисленных предметов в интерьере горницы дома псаломщика представлен аналой с лежащей на нем книгой «Апостол»; его присутствие в экспозиции свидетельствует о времени поста, когда верующие, а церковные служащие в особенности, после службы в церкви дома также проводили время в молитве и чтении псалмов.

Таким образом, экспозиция, расположившаяся в небольшом музейном доме-одноколке, вывезенном из приангарской деревни Ёдарма, дает довольно полное представление о церковном служении и домашнем быте сельского псаломщика, призванного являться примером для простого народа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1. Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. М., 1993 (репринтное воспроизведение издания 1913 г.). Т. 1.
- 2. Калинина И.В. Православные храмы Иркутской епархии. М., 2000.
- 3. Настольная книга священнослужителя. М., 1983. Т. 4.
- 4. Оглезнева Г.В. Сельская церковь Иркутской губернии во 2-й половине XIX начале XX в. Архив АЭМ «Тальцы», ф. 1, оп. 1, ед. хр. 78.
 - 5. Полный церковно-славянский словарь. М., 1993.
- 6. Список населенных мест Иркутской губернии. Иркутск, 1912.
- 7. Усадьба псаломщика. Одноколок. Предварительные работы. Комплексные научные изыскания. Архив АЭМ «Тальцы», ф. 1, оп. 1, ед. хр. 99.

КОНГРЕССЫ

22–24 ноября 2005 г. Санкт-Петербург, Россия. В Петровском зале Санкт-Петербургского государственного университета проходил XIII Международный конгресс «Проблемы благотворительности в современном мире», посвященный 145-летию со дня рождения выдающегося благотворителя Иннокентия Михайловича Сибирякова (1860–1901). Представительный форум организован по благословению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира усилиями Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургской духовной академии, Отдела благотворительности Санкт-Петербургской епархии Русской православной церкви, Благотворительного фонда имени Иннокентия Сибирякова и других организаций.

Торжественному открытию конгресса предшествовала панихида по Иннокентию Сибирякову, которая совершалась в университетской церкви Апостолов Петра и Павла. Миллионер-золотопромышленник И.М. Сибиряков был студентом Санкт-Петербургского университета. Своими средствами он активно участвовал в общественной жизни Отечества. Раздав все состояние на нужды отечественного образования, науки, светской и духовной культуры, предприниматель принял монашеский постриг. На Афоне его имя всегда было чтимо, а теперь схимонах Иннокентий (Сибиряков) начинает занимать заслуженное место и в исторической памяти России.

Конгресс был открыт ректором Санкт-Петербургского университета Л.А. Вербицкой. Послание патриарха Алексия II его участникам зачитал священник Кирилл Копейкин. С приветственным словом к собравшимся обратились председатель Комитета по науке и высшей школе правительства Санкт-Петербурга А.Д. Викторов, президент Благотворительного фонда имени Иннокентия Сибирякова В.И. Боцвин и другие официальные лица и организаторы форума.

Основная цель конгресса — создание и реализация модели взаимодействия на информационном, организационном и практическом уровнях социально ответственного бизнеса, образовательных учреждений и общественных организаций Санкт-Петербурга по вопросам возрождения традиций благотворительности, что необходимо для формирования духовнонравственного пространства города.

Храм-Памятник в Брюсселе: (Документальная хроника) / Сост. А.М. Хитров, О.Л. Соломина; Под ред. гр. М.Н. Апраксиной. — М.: Паломник-Град Китеж, 2005. — 464 с.

Сборник составлен из отечественных и зарубежных русских монархических эмигрантских архивных документов и газетных статей, практически незнакомых современным российским историкам и читателям. В книге излагается хроника почитания в Русском зарубежье мученического подвига святых Царственных Мучеников, история строительства Храма-Памятника в Брюсселе и создания его уникального Синодика с перечнем жертв российской национальной катастрофы.

Каталог меднолитой пластики: Из коллекции А. Елфимова / Авт.-сост. А.В. Рындина. — Тобольск: Издательский отдел Тюменского регионального благотворительного фонда «Возрождение Тобольска», 2005. — 128 с.

Каталог включает в себя произведения меднолитой пластики XVIII – начала XX века, входящие в собрание тобольского коллекционера Аркадия Елфимова. Описанное собрание крестов, икон и складней представляет интерес как рядом редких источников, так и достаточно широким охватом иконографических вариантов художественного литья. Каталог проиллюстрирован цветными изображениями всех входящих в книгу предметов.

Шорохова Т.С. Благотворитель Иннокентий Сибиряков: Биографические повествования. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. — 140 с.

Книга посвящена жизни, благотворительной деятельности и духовному подвигу И.М. Сибирякова (1860–1901) — потомственного миллионера-золотопромышленника, известного общественного деятеля России и щедрого благотворителя. Весь свой капитал он употребил на поддержку отечественного образования, науки и культуры, на строительство и содержание храмов и монастырей Русской православной церкви и Афона, а также на оказание помощи обездоленным, нуждающимся студентам и престарелым людям.

• ТИНТПО

Сергей Александрович Нилус

Духов день — праздник Святому Духу в 1912 году пришелся на 14 мая и совпал с днем празднования коронования императора Николая Александровича. В этот день у лесных ворот ограды нашего благословенного оптинского уединения стояло два парных козельских извозчика, выносили на них последний наш ручной багаж и сами мы в числе четырех душ выходили, со слезами прощаясь едва ли не навеки с духовной нашей родиной, бесценно-дорогой, горячо любимой святой Оптиной Пустынью.

От истоков Божьей реки оптинской утлую ладью нашу повернуло и понесло течением временной жизни к далекому, а может быть, — то в воле Божьей, — и близкому беспредельному простору моря вечности.

Так изволися Богу. Буди воля Его святая благословенна вовеки.

И красен же был денек тот!.. Кто не видел Оптиной в весеннем уборе окружающих ее безмолвие фруктовых садов, могучего ее леса, вековых ее сосен, обрамленных веселой, молодой зеленью клена, осины, липы, рябины, орешника и молодого дубняка, — всей роскоши зеленого шума и звона торжественно-радостного шествия ликующей теплом и светом весны, тому не понять великой скорби нашего сердца, обливавшей слезами заветные могилки великих Оптинских старцев на прощанье с ними, со всей духовной красотой оптинских преданий и с красотой окружающей их природы.

Тако изволися Богу. Слава Богу за все.

И думалось мне тогда, следя задумчиво-печальным взором за убегающей из-под колес нашего экипажа святой землей оптинской, что, прощаясь с нею, прощаюсь я и с тою бездонною глубиною хрустально-чистых вод ее и моей Божьей реки, из чьей серебристо-струйной лазури так часто невод мой извлекал сокровенные в ней сокровища духа, что уже не петь мне Богу моему хвалы, дондеже есмь, что уже не бряцать перстам моим более на десятиструнной моей псалтыри, ибо с последним прощальным поклоном Оптиной иссякнет для меня чистейший источник вдохновений и захлестнет ладью мою и меня зловещая волна житейской мути.

^{*} Печатается по книге: Нилус С.А. На берегу Божьей реки: Записки православного // Полное собрание сочинений. — М., 2002. — Т. 4.

Но не изволися тако Богу: опять я с тобою, дорогой мой читатель, и опять есть у меня что из дел Божиих тебе поведать, а тебе послушать.

Послушай же...

* * *

Оптину Пустынь впервые я посетил в июле 1901 года. В мае того года сын мой окончил курс орловской гимназии, и мы с ним решили ознаменовать начало нового этапа его молодой жизни паломничеством по святым местам.

Вскоре после первого посещения Оптиной я, выбрав свободное от хозяйственных забот время (я тогда еще жил и работал в своем имении), вновь поехал в этот великий питомник монашеского духа. Стояла глубокая, глухая осень. Пустынно было и в Оптиной, и в Шамординой и потому особенно хорошо для души, для сосредоточения ее в Боге и молитве, а где же было и молиться, как не в этих пустынных обителях?!

С благословения старца — отца Иосифа, я из Оптиной на время переселился в Шамординский монастырь собирать материалы для задуманного мною жизнеописания великого Оптинского старца о. Амвросия, основателя Шамординской обители. На третий или четвертый день пребывания моего в Шамординой заболели у меня глаза, я не обратил на это внимания, авось пройдет, и весь отдался захватившему меня делу. И вот, набегавшись за день по монашеским кельям и наслушавшись рассказов о недавнем прошлом Шамординой, тесно связанном с памятью о. Амвросия, я, поужинав и попив чайку в гостинице, лег спать и заснул крепчайшим сном. Проснувшись от рези в глазах слишком рано, я под утро вновь забылся легкой дремотой и увидел такой сон: иду я будто по прямой, широкой, мощеной круглым булыжником улице; по обеим ее сторонам проведены канавы, через них перекинуты мостки, и против каждого мостика вдоль всей улицы небольшие деревянные домики под тесовыми крышами, все фасадом в три окошечка на улицу. Между домиками тесовые заборы с воротами и калитками; за заборами дворы и садики — все в одном старинном провинциальном вкусе наших захолустных провинциальных городов. Улице и конца не видно... Иду я по середине улицы и вижу, что вся ее мостовая густо устлана цветами свежевысушенного, зеленого, душистого сена. Иду я и, на каждом шагу нагибаясь, большими охапками собираю эти ароматные цветы, и так цветов этих много, что весь я с головы до ног осыпаюсь ими. Смотрю: у калитки одного из тех домиков стоит и чего-то, видимо, дожидается небольшая, душ в семь или восемь, кучка народа; среди них примечаю одного из своих старых товарищей по гимназии. Подхожу к нему, чтобы спросить, чего он ждет, и вижу, что калитка внезапно отворяется и из нее выглядывает быстрая фигурка знакомого мне скитского иеродиакона, о. Анатолия, бывшего келейника старца Амвросия. Оглядывая всех нас беглым взглядом и увидев меня, он быстро скороговоркой кликнул меня:

Нилуса к Батюшке.

И я понял, что «к батюшке» значило к о. Амвросию, и следом пошел за о. Анатолием в калитку, вглубь двора, где виднелся такой же, что и на улицу, дом, только размером побольше. Войдя за о. Анатолием в этот дом, я увидел просторную горницу и в ней сидящего в глубоком кресле старца о. Амвросия. С величайшей радостью кинулся я к ногам его и стал целовать его ноги, обутые в полуботики коричневого мягкого сукна; целую их, а Батюшка, чувствую, положил мне свою руку на голову, гладит ее и приговаривает ласково таково:

— Ишь ты какой! ишь ты какой! ишь ты какой!

При звуках этого любвеобильного, ласкового голоса я проснулся в величайшем умилении, а голос все еще продолжал звучать в ушах моих непередаваемой лаской. Глаза мои загноились, и я с трудом едва мог раскрыть их. Резь усилилась, и начиналось что-то вроде светобоязни. Несмотря на глазную боль, я все-таки пошел к обедне и потом чай пить к игумении. Рассказываю ей под свежим впечатлением, а она мне:

- Вы, говорит, видали ли когда-нибудь, какую обувь носил наш Батюшка?
 - Нет, и понятия не имею.
- Тогда, говорит, пойдемте сейчас в его хибарку, я вам ее покажу.

В одной связи с игуменским корпусом в Шамординой находится и та келья, в которой окончил свои подвижнические, многоболезненные дни о. Амвросий. В келье этой вся обстановка сохранялась в том виде, в каком она была при его жизни, а в стоявшем там шкапчике за стеклом хранились все его носильные вещи. Матушка открыла шкапчик, достала с полки суконные ботики Старца: они были те самые, которые я целовал в утреннем сновидении, те самые до мельчайших подробностей, не исключая и цвета сукна, из которого они были сделаны... В изумленном благоговении я поцеловал их и приложил к больным глазам. Тут же в келье стоял кувшин с рудневской* водой; ею игуменья предложила мне омыть глаза и отереть тут же висевшим батюшкиным полотенцем, — и болезни моей как не бывало: ее рудневская вода в полном смысле слова смыла, как грязь какую.

Можно себе представить, в каком я был тогда состоянии!..

Сон этот, как оказалось впоследствии, предзнаменовал собою и предопределил всю мою последующую деятельность по собиранию цветов с духовного луга иноческого жития на Руси Святой, но, увы, уже не живых цветов, и не с цветущего луга, а из сена, хотя еще душистого, но уже убранного с луга жизни и выбрасываемого на попрание на бездушный, холодный камень улицы.

О Русь моя Святая! где ты? откликнись, отзовись!

^{*} Руднево — хутор Шамординского монастыря, куда иногда любил уединяться о. Амвросий. Там по его указанию был ископан колодезь, вода которого почитается целебной.

МОЛИТВА ОПТИНСКИХ СТАРЦЕВ

Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что принесет мне наступающий день. Дай мне всецело предаться воле Твоей святой. На всякий час сего дня во всем наставь и поддержи меня. Какия бы я ни получал известия в течение дня, научи меня принять их со спокойной душою и твердым убеждением, что на все святая воля Твоя. Во всех словах и делах моих руководи моими мыслями и чувствами. Во всех непредвиденных случаях не дай мне забыть, что все ниспослано Тобою. Научи меня прямо и разумно действовать с каждым членом семьи моей, никого не смущая и не огорчая. Господи, дай мне силу перенести утомление наступающего дня и все события в течение дня. Руководи моею волею и научи меня молиться, верить, надеяться, терпеть, прощать и любить. Аминь.

Оптина Пустынь